

84(2=632.1)

б-386.

БРОНТОЙ БЕДЮРОВ

ТВЕРДЫНИ
АЛТАЯ

411298

БРОНТОЙ
БЕДЮРОВ

ТВЕРДЫНИ
АЛТАЯ

СТИХИ

Перевод с алтайского

27

Москва
«Советская Россия»
1983

С(Алт)2
Б38

4412980 ✓
Художник Е. П. Аксенов

Горно-Алтайская областная
библиотека
им. М. И. Козьмина

Бедюров Б. Я.

Б38 Твердыни Алтая: Стихи. Пер. с алт.—
М.: Сов. Россия, 1983. — 160 с.

Книга стихов алтайского поэта Бронтоя Бедюрова «Твердыни Алтая» представляет собой цельное по композиции и содержанию произведение. Перед читателем предстает поэтический мир, границы которого постепенно раздвигаются по мере постижения и познания этого мира.

Написанные на яркой фольклорной основе, стихи Бронтоя Бедюрова искренни и вдохновенны.

4702070000—195
Б М-105(03)83 198—83

С(Алт)2

Бронтой Янгович Бедюров

ТВЕРДЫНИ АЛТАЯ

Редактор В. Г. Бояринов
Художественный редактор Е. Ф. Николаева
Технический редактор В. Д. Коннова
Корректор Э. З. Сергеева

ИБ № 2975

Сдано в наб. 07.02.83. Подп. в печать 06.09.83. А01416. Формат 70×90₃₂. Бумага типогр. № 1. Гарнитура литературная. Печать высококая. Усл. п. л. 5,85. Усл. кр.-отт. 6,07. Уч.-изд. л. 6,57. Тираж 20 000 экз. Заказ 195. Цена 65 коп. Изд. инд. ЛНП-92.

Ордена „Знак Почета“ издательство „Советская Россия“ Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 163012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Сортавальская книжная типография Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Сортавала, ул. Карельская, 42.

I. ВЕЧНАЯ РОДИНА

*(что в сердце всегда,
что была и пребудет)*

1963—1978 гг.

ПЕСНИ МОЛОДОГО МАЙМАНА¹

ПЕСНЬ ЗОВУЩИХ ОГНЕЙ

Это что там за огни
гаснут и не угасают
на седых вершинах гор?
Это кто, сложив сперва
дни и ночи, как дрова,
распалил во мне костер?

Этò кто там в вышине
держит солнце на рогах,
скрывшись за грядой лесов?
Я взойду на перевал
и услышу, как марал
подаст мне трубный зов.

Это что там за огни
гаснут и не угасают,
мой приковывая взор?
На вершину поднимусь,
выше славы вознесусь
я, рожденный среди гор.

Льются песни в вышине,
сладко сердце замирать
заставляя всякий раз.

¹ М а й м а н ы — алтайское племя.

И горят в горах огни,
и теплом дарят они
возвращающихся нас.

И на дне моих зрачков
очертанье вышины
издавна отражено.
Мне сквозь ночи
и сквозь дни
видятся в горах огни
с красным солнцем заодно.

ПЕСНЬ УЗНАВАНИЯ

Народ мой с добрыми глазами,
Вот горы и леса твои.
А над горами и лесами,
Как ветры, голоса твои.

Песнь вековечная не может
Уйти в забвенье, как в песок.
И дума вечная тревожит,
Смиряет сердце, жжет висок.

Там, за отрогами столетий,
Начало, скрытое во мгле.
Вершина жизни, пропасть смерти —
Вы, как и прежде, на земле.

Сказанье о долготерпенье
В старинной песне слышу я,
Но в ней — надежды и стремленья
Звенит прозрачная струя.

Не только счастья и достатка
Теперь настали времена,

И не поет умильно-сладко
Повествования струна.

Настало время осмысленья
И узнавания себя.
Ясней понятия: поколение,
Народ и Родина. Судьба.

Мечта, что стала явью зримой,
Рождает новую мечту,
Ведя дорогою торимой
За перевалы, в высоту.

ПЕСНИ ГОРНЫХ РАВНИН

1

Ночь.
День.
Капли, стекая
по темной коре,
падали на лицо.
И в тишине
бус дождевых
слышался мне
перезвон.

2

Угнали синеву на север облака,
гряда вершин вновь отозвалась грому,
и небо,
став дырявым, разревелось,
был бесконечным чмокающий дождь.
Он припадал к земле,
чтоб даже в тундре горной,
которая бесплодною казалась,
произошло рождение травы.

Прильнул к земле я ухом
и услышал,
что сабелек зеленых грянул звон.

3

Конь храпит подо мною на горной тропе
и грызет удила и глазами косит,
может, барс притаился за ближней скалой
иль ощерился бездной взметенный гранит...
Зря храпел мой скакун. Нам никто не грозил.
Возвышался валун,
за которым цветы
мне стыдливых девчонок являли черты
и украдкой поглядывали на меня.
И коснулся коня
я колечками шпор,
лихо гикнул,
и вылетел он на простор.

4

Туманами дышал проснувшийся таскыл¹,
по челке ледника луч утренний скользнул,
покинув высь,
он прыгнул мне в седло.
Воскликнул я: — Держись!
Хватайся за луку!
Коня свободна рысь. Поскачем на луга!
Там взвился бубенец под купол голубой.
На стойбище с тобой
заскочим мы.
Держись, мой мальчик —
солнечный юнец!

¹ Т а с к ы л — горная тундра.

5

Привет тебе, любезный Токтубай,
 равнины горной
 житель тороватый.
 Я твоего аила завсегда тай.
 Доносится собак знакомый лай,
 и вижу, как дымятся тюндюки¹,
 чьи струйки дыма
 мне всегда сладки.

6

Дождь над горами повис,
 и кажется, будто бы гребень
 синюю косу небес
 расчесывает не спеша.

А на душе безмятежность
 и отголосок тревоги.
 Сквозь узкий гляжу дымоход
 и вижу огромное небо.

7

Белая, как облака,
 поднесена арака.
 Говорит ото всей души
 мне Токтубая мать:
 — Ты пиалу осуши
 и к очагу присядь! —
 Стара и добра она.
 Пью пиалу до дна.

¹ Т ю н д ю к — дымоход.

Рдели угли в очаге,
и захотелось
мне запеть так просто,
безыскусно,
как поют сородичи издревле,
как поет, к примеру,
Токтубай.

ПЕСНЬ МОЛОДОГО МАИМАНА

* * *

В Каракольской долине
дремлющая тишина.
На плечах величавых кедров
покоится вышина.

И бренчат удила исконно,
и трава во тьме шелестит.
А на вещей траве
отпечаток копыт.

В Каракольской долине
тревогой пронизаны сны
и пришпорены всадниками
уоставшие скакуны.

Лики скачущих скрыты мраком,
в тучах кроется лунный свет.
Снова слышится:
— Стой!
Кто ты: свой или нет?!

А в ответ только топот
коней.
И безмолвья туман.
Отпрыск древнего племени —
голову свесил майман.

Но о чем он грустит,
словно стянут на сердце аркан?
Знаменит родословною
этот майман.

Боли своей поныне
ни разу не выдал он,
и видит в дыму преданий,
исполненный яви, сон.

Ему в Караколе ночью
напоминают костры
облики невозвратимой,
но удалой поры.

И запекает песню
он о земной любви,
языческий пламень которой
мерцает в его крови.

Ему одиноко ныне,
разлукой майман пленен.
Издалека ты услышь, Уч-Сюмер,
о том, как тоскует он.

* * *

Каракол, Каракол,
нет опоры вернее стремян.
Высь тропа захлестнула,
как белый аркан.

И речного мятежного гула
слышит отзвуки юный майман.
Хоть не спится сегодня,
а снится
ему милая — Ару-Баян.

На свидание с нею
готов он сквозь темень скакать.
Без возлюбленной
ночи
легко ли ему коротать?
И зовет он коня,
где туман до колен:
— Отзовись, мой скакун,
иноходец, Кайчи-Дьерен!

И садится лихой в седло,
и, как ветер ночной, летит:
— Пой, возлюбленная, со мной!.. —
Звезды сыплются из-под копыт...

— Я промчался сквозь мрак ночной,
обронив пророческий свет.
Чей-то крик у меня за спиной
полыхнул, словно выстрел, вслед.

И сородичей в тьме ночной
видел облики я опять
с ножевым разрезом очей
и бровями — крылам под стать.

Лейся, песнь моя, животворно,
стань дождем для сухой земли,
чтоб врагу на погибель
зерна
давних чаяний проросли.

Тишина ни жива ни мертва,
тьма ночная подобна погоне,
но ушел я,
сорвиголова,
сзади рухнули черные кони.

Натянула поводья рука,
и рассветного часа предтечи —
за спиной проплывают века,
осыпаются звезды на плечи.

* * *

Докурили в молчании трубки,
праздной суетности далеки,
словно высеченные из камня,
смуглолицые ездоки.

И, раздвинув години, как ветки,
вижу, словно в просветах листвы:
снова предки
коней оседлали.

Я кричу им:
— Далеко ли вы?

Где коней расседлаете завтра,
где присядете возле огня?
Разглядеть сквозь усталые веки
вы сумеете ль ныне меня?

Мои мысли прочтете ль во взгляде
и поймете ль в подлунной нови,
что слышу,
как майман неподкупный,
я наследником вашей любви?

Где Кайчи, мой скакун быстроногий,
чтоб к любимой добраться я смог?

Ни коня, ни любимой,
лишь сумрак
на вершины окрестные лег.

Молчаливые предки куда-то
ускакали за темный хребет.
Кто тропу мне укажет к любимой,
кто подаст мне, как стремя, совет?..

В Каракольской долине уснули
деревя.
И таинственна мгла.
След копыт на траве еле виден,
эле слышно бренчат удила.

ПЕСНЬ О БЕГУЩИХ ДЕВУШКАХ

Как три косули молодых,
Три стройных девушки бежали
По снежной улице. Они
Смех белозубо рассыпали,
И на устах у всех троих
Белели розы, чуть клубясь.

Бежали девушки, смеясь,
Они прохожих чаровали,
Хоть много есть невест таких.

Упала вдруг одна из них,
Она, наверно, поскользнулась.
И я метнулся в тот же миг,
Чтобы поднять ее, но поздно.
Уже подруги помогли:
Стряхнули снег. Он падал звездно
С ее одежды. И тотчас
Свет брызнул из девичьих глаз,

Упавшая расхохоталась
И над собой и надо мной,
Смеясь с подругами, умчалась,
Окутал сумрак их ночной.

Глядел я девушкам вослед:
— Куда умчались, чаровницы? —
Безмолвствовала ночь в ответ.
Но мне запомнились их лица.
Три незнакомки. Снег. Луна.
А в сердце не смолкало эхо
Обворожительного смеха.
Бежала по снегу весна.
Три незнакомки. Ночь. Луна.

ПЕСНЬ О БЕЛОМ СНЕГЕ

Поздно вечером я возвращался с работы,
и мне было так хорошо, так легко, моя любимая!

Это выпал белый снег.

Когда я шел на работу, деревья теплыми были,
а теперь они стоят, как модницы, в серебряных
серьгах.

И провода, осев под тяжестью снега,
превратились в чудесные длинные ожерелья.
С крыш падали звучащие капли,
напоминавшие мне шустрых воробьев.

Маленький город стал белым и просторным.

Небо подарило мне белую косулю — зимнюю ночь
любви и спокойствия.

Когда я поздно вечером возвращался с работы,
навстречу мне шел мужчина, широко распахнув
тяжелое пальто,

веселехонький, как мой брат,
когда жена родила ему сынишку.

Когда я поздно вечером возвращался с работы,
я увидел влюбленных.

Он пригнул лапчатую снежную ветвь
и бережно стряхнул чистый снег на непокрытые волосы
своей возлюбленной.

Она засмеялась,
и от этого смеха снег тотчас растаял.
Вот что происходило,
пока я поздно вечером возвращался с работы.

ПЕСНЬ СИНЕМУ НЕБУ

Я
за собою оставил
синее небо
открытым,
в котором прорезались
звезды,
как сонм человеческих глаз.
И, кажется,
небо хочет,
сделавшись следопытом,
в таинство жизни вечной
проникнуть не в первый раз.

Взгляд Кюль-Тегина
помню.
Умел лихой полководец,
словно
стрелой из лука,
взглядом пронзить
насквозь.
И мудрый взор
Тоньюкука

из незапамятной дали
брось на нас, время,
брось!

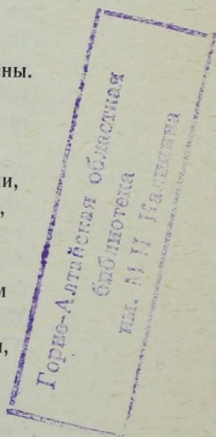
А солнце
проходит рядом,
лица моего
касаясь,
и золотые изделия
разбрасывает вокруг.
Мир этот древний
и юный
понять не сумел
досель я
с бездной
его позора,
с нагорьем
его заслуг.
Под тяжестью невесомой
язычники-скалы
осели,
откуда, как бубен,
луна
каждую ночь доселе
всплывает со дня
творенья,
словно из колыбели,
таинственности полна.
Мы тоже, как скалы,
осели
под тяжестью
гулкого неба,
не в силах сердцам,
как радарам,
завидную чуткость
придать,
чтоб из грядущего века,

не ради насущного
хлеба,
могли с упоительным
жаром
сигналы они принимать.

Но знаю:
уже трещала
голова молодого тюрка
от расщепленных мыслей,
которые напоминали
падение звезд
с вышины.
И тучи над предками
висли,
и ливни по лицам хлестали,
а мысли
на кручах надежды
будили тревожные сны.

Гром грохотал,
раскрывались
предков раскосые очи,
как семена пшеницы,
дремавшие
до весны.
Скользили по кручам
взоры,
покуда хватало мочи,
с них срывались,
ликуя,
как боевые птицы
в час смертный,
себе верны.

И поднимались колосья
до самого синего неба,

но, опаленные зноем,
сгорали
в полях сухих.
Губ обескровленных крики
таяли в воздухе
немо.
Как синий орган —
безмолвье
окрест заглушало их.

Растрескались и поблекли
зеленых долин полотна,
и только небо
осталось,
где к солнцу
вознесены
снежных вершин ладони,
которые не беззаботно
ловить,
забывая усталость,
грозы обречены.

И водопады по ребрам
нагорие бьют
в экстазе,
чтоб загудел, как прежде,
синий орган
тишины
и воскресил былое
в неторопливом сказе.
И верность хранил
надежде,
исполненный вышины.

И за собою оставил
немеркнущим и открытым
небо,

Азии небо,
в котором
прорезались звезд глаза;
хотят они алчным взором
в суть бытия проникнуть:
льнет к тайным его
орбитам
мерцающая бирюза.

Это —
взгляд Кюль-Тегина,
это —
взгляд Тоньюкука,
оба в самую душу
стараятся заглянуть.
Знай,
ветер седоголовый,
путь продолжая,
не струшу
перед тобой,
хоть снова
бросишься мне на грудь!

ПЕСНЬ
ДНЕЙ ОДИНОКИХ

Как-то раз проснулся я,
и окрест
на склонах гор
был горячим конский дых
и клубились облака.

А в другой проснувшись раз,
увидал на склонах гор
киноварь пожара я
и туманность чьих-то лиц.

И, проснувшись в третий раз,
я увидел пред собой
степь,
открывшуюся вдруг
на четыре стороны.

И, губами шевеля
в безнадежной немоте,
призраки
чредою шли,
чем-то схожие со мной.
Оказалось:
это дни,
что провел я вдалеке
от родимой стороны,
исходя тоской по ней.

ПЕСНЬ ПОЛЕТА

Голубая
на востоке
есть высокая страна,
что в положенные сроки
стужею раскалена.

И, надеждою врачуя
в сердце рану не одну,
очарованно лечу я
в эту синюю страну.

Днем и ночью там из тучи,
продолжая с небом связь,
на долины и на кручи
звезды падают, светясь.

И, касаясь небосвода,
дива дивного полна,
в ясной близости восхода
эта высится страна.

Ждет меня там конь крылатый,
ждут друзья,
отцовский дом,
границы выси угловатой
в облачении седом.

ПЕСНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Даже если мой конь-аргамак мне не будет послушен,
я до цели заветной пешком все равно добреду.
От туманов сползающих воздух и влажен и душен,
и в долинах дожди от усталости спят на ходу.

Я хочу подарить тебе новые лучшие песни,
я хочу возвратиться к тебе, заповедный мой мир.
Я пройду по дороге, скалистой, крутой и отвесной,
и следы на снегу будут четкими, словно пунктир.

И вершины, что снежные веки смежили под вечер,
вдруг услышат мой вздох в удивленье и спросят меня:
ты зачем потревожил покой наш, высокий и вечный,
утомившийся путник, на склоне угасшего дня?

На скалистом отроге тогда, как ни в чем не бывало,
мне навстречу она, моя нежная, явится вдруг,
и в глазах ее

 радость зажжется огнем небывалым,
все во мне просветлеет, и мир просветлеет вокруг.

И по бронзовым скулам моим слезы скатятся трудно,
и на струнах

ее упругих и тонких волос
под мою ладонью очнется дрожаще и смутно
наша песня о счастье, что нам испытать довелось.

И не будет мне стыдно за слабость свою человеческую
перед вечною силой таинственных сумрачных гор.
И не стану с укором смотреть на людей бессердечных:
что такое любовь, я ведь тоже не знал до сих пор.

Заповедный мой мир, я стремился к тебе постоянно,
но не думал о том, что так горестно встречу
с тобой:
я спешил к тебе, словно мечтой подгоняемый странной,
шел долиной, тропею скалистой на встречу с судьбой.

Я пришел, запыленный, усталый, продрогший до боли,
и она, моя нежная, вовсе ко мне не придет,
а мой конь-аргамак, видно, где-то пасется на воле,
нет и песни — такой, что на горных вершинах живет.

Я ли в том виноват, что ты песен моих не расслышал,
но прошу тебя все-таки: снова в судьбе отзовись.
Знаю, путь, что ведет к тебе, будет и круче и выше,
заповедный мой мир, заповедная синяя высь.

ЗИМНИЙ НАПЕВ КОМУСА¹

Сестры — сосны, поднявшись на склон,
сбились в кучу, глядят на долину,
где, снегами почти занесен,
санный след разделяет равнину,
и стоят, зачарованы днем,
что-то дальнее слушая в нем.

¹ Комус — губная лира.

И стога, что в окрестных логах
терпеливо дремали всю осень,
побурев на знобящих ветрах,
взор кидают в холодную просинь,
но никак не откликнется в ней
заблудившийся посвист саней.

Нет, долина светла и пуста,
лишь забьется порошею песня,
то растает в снегах без следа,
то опять улетит в поднебесье
озорной немудреный мотив,
без которого трудно в пути.

Это, видно, парнишка пастух,
что живет первый год на стоянке,
мчит домой, и летят во весь дух
тонкой кожей подбитые санки.
Даже песня, что парень поет,
как ни рвется вперед, отстает.

ПЕСНЬ
О ВЕСЕЛОМ ВСАДНИКЕ

Скачет всадник в тумане вечернем
И свистит —
Видно, парень лихой.
Звук копыт — как чеканка по черни.
Звонкий топот летит над рекой.

И протяжно откликнулись эхом
Все печали мои, чтобы вмиг
Отлететь и пропасть,
чтобы смехом,
Свистом стать у порогов речных.

Гей ты, всадник, алтайский наездник,
Ясноглазый мой брат на земле!

Свист и клики,

и топот,

и песня, —

Так услышал тебя я во мгле!

От пастушьих костров — медноскулый,

Как и я —

Только ты веселей:

В дальнем городе с суетным гулом

Нет урочищ таких и полей...

Хорошо, что мы вдруг повстречались,

Хоть во тьме ты не видел меня.

Застит только туман —

Не печали —

Путь мой долгий, рассветом маня.

Только все ж

Я жалею немного:

Нет второго коня, чтоб двоих

Ветром скачки пьянила дорога

И несла до отрогов крутых,

Чтоб он тоже назвал меня братом, —

Этот парень горластый, лихой.

Чтоб хватило мне

Воли крылатой

До скончания века с лихвой!

ПЕСНЬ О ТОРЕ¹

Черным лесом поросшие склоны,
где звериный почувствуешь взгляд,
где, как воины, в шлемах зеленых,
вековые курганы стоят,
юный всадник, что стелется в спешке,
горделивая удаль коня —
этот мир, неизбывный и вешний,
пред глазами всегда у меня.
Тихо радуга полудня вспыхнет
на плече у горы Тектиреш,
тетивою оборванной стихнет,
уступая вечерней поре,
и тогда зазвенит, заиграет
на груди у горы Самарган
предзакатная радуга, краем
зацепив самый дальний курган.
Неприметная сизая птичка
о заботах щебечет в логу.
Ах ты, птичка моя, невеличка,
всем, чем хочешь, тебе помогу.
Что ж поделаешь, если годами
отмеряться дорога пошла?!
Но послышится вдруг за плечами
дальний голос родного села.
И, не в силах стреножить волнение,
с полдороги назад поверну,
можжевеловый дым очищенья,
припадая к долинам, вдохну.
Все на свете кругами своими
среди житейской идет быстрины,
даже самое звонкое имя
звук пустой без родной стороны.
Разве может быть что-то достойней,
чем работать и сына растить,

¹ Т о р — закон, уложение.

да глядеть, чтобы отчие корни
он не смог никогда позабыть?
Нужно жить, чтобы в радость казался
трудовой обжигающий пот,
чтобы тор нерушимо держался
даже в цепких объятьях невзгод.
Это — главная в мире забота,
без которой нет жизни тебе:
о продлении родины, рода,
о народной, родимой судьбе.

ПЕСНЬ ЗЕМЛЯМ И ВОДАМ РОДИНЫ

Где бы мне легко дышалось
воздухом таким, как этот?
И земля, что мне досталась,
мне близка по всем приметам.

Где еще бы оказалось
неба милого раздолье?
Жизнь мою, что мне досталась,
дал народ свою волей.

И язык, родной навеки,
дал мне истины понятие.
Дух высокий в человеке
где бы смог еще узнать я?

Окрыляет этот воздух.
Словно щит — земля Алтая.
И язык был крепко создан:
грудь народа, выдыхая

слово гулкое, гудела,
словно колокол чудесный,
чтобы слово стало делом,
чтобы обернулось песней.

Дух народа — от Алтая,
этот древний дух свободы,
и не от каганов, знаю,
этот вечный дар природы.

ПЕСНЬ О КЕДРЕ-ЧЕЛОВЕКЕ

Сюда, на яйлю¹,
на просторные полы альпийских лугов,
я нынче пригнал с пастухами стада.
Бичей пересвист да шум голосов,
неистовый рев скота
заполнили воздух, далёко вокруг разнесясь,
о нас возвещая таящимся в скалах векам,
и эхо, несчетно в горах повторяясь,
легло, обессилев, к ногам.

Но дальше мой путь,
и все чаще вздымается грудь.
Отважно и чутко, в плаще тишины,
стремлюсь я к серебряной гриве скалистой волны,
чтоб словно в мехи, трепеща и ликуя, втянуть
в себя дух Алтая, дух юной и вечной страны,
поднявшись на Юч-Оме-Бек²,
услышать среди расплескавшихся волн
воздушного моря, вобравшего тысячу рек,
суровые грозы ушедших, пришедших времен.

Вдруг ноги мои
начинают сквозь лед прорастать,
и дальше, сплетаясь подобно корням, в глубину уходить,
а волосы, жаждя могучими космами стать,
готовы по ветру свой трепет пустить.

¹ Яйлю — высокогорное пастбище.
Юч-Оме-Бек (Три дружных бека) — гора на Алтае.

Я кедром стою
и как будто впервые сейчас
увидел пугающий этот простор,
и девять молочных озер
сегодня вошли в глубину моих глаз
и в них отразились уже навсегда
мерцающим, карим, медлительным светом своим.
Утесов гряда
сливается с небом, пронзительным и голубым.
О, сколь величава холодная эта краса,
как свеж можжевельник и дик.
Глядят мои карие, с влагой озерной глаза,
вбирая, вбирая... Ну, что же, гляди...

А в сизой долине,
внизу, далеко-далеко,
над крышами струйками ввысь подымается дым,
увидишь его,
и сразу повеет знакомым, родным,
и нет больше чар колдовских, дивных сил,
и падает с плеч тишина,
и ты человеком окажешься, ты им и был
во все времена.
Гляди, как высоко думы пролегли,
как тучи не могут с зарей совладать,
чтоб истинный облик родимой земли
увидеть, понять.

ПЕСНЬ О КОВЧЕГЕ

Кочевник, в надежном и вечном ковчеге,
я снова
плыву по просторам великого Моря Степного,
на мачту взобравшись легко — на макушку Алтая,
гляжу на восход и закат, звездный час ожидая.
А те, кто со мною в пути хлеб и воду делили,

лишь берег завидя, ушли, обо всем позабыли,
спеша, гомоня,
слову брата не внемля...

Следы их теперь не отыщешь в распаханых землях.

А я все плыву, и конца нет простору,
и рано ли, поздно, — в какую-то пору,
я знаю, что хватятся люди ковчега,
огни на курганах моих позовут человека,
и смутною памятью в сердце его шевельнутся
растенья и травы, прося поскорее вернуться.
Идите обратно, я с вами готов породниться,
но, чур, уговор, — вам придется учиться
мудрее быть, краше,
стать другом и зверю, и птице,
их речь понимать, ведь она первозданнее нашей.
Сбирая по крохам великое знание природы,
сквозь времени волны — сквозь годы,
когда всему существу братьями станем,
мы к новому берегу путь свой направим,
навстречу всем будущим испытаниям.
Наш мир — это общий ковчег на стезе мироздания.

ПЕСНИ ЗОЛОТОЙ КУКУШКИ

Чингизу Айтматову

* * *

Где белопенная вода, где белоглавая гряда,
Где белорунные стада,
Стоит над лучшей из долин, стоит над высшей
из вершин
Столетний тополь-исполин.
Взлетая по его ветвям и лето предвещая нам,
Вещунья золотая там
Кукует звонко сотни лет. Седой Алтай, весь белый свет,
Урман, что зеленью одет,
И говорливая река — все слышат песнь издалека —
Звонка она и глубока...

И вот опять от песни той
Алтай очнулся золотой:
Кустарник высохший — в листве,
Земля иссохшая — в траве,
Пустое вымя — с молоком,
Пришел достаток в бедный дом,
Баранина в пустом котле,
Народ на брошенной земле...

Все громче песня, на нее лесное сходится зверье,
Слетаются из теплых гнезд и сыч, и горлица, и дрозд.
Выходит солнце за луной, за днем приходит мрак
ночной,
Опять яснее высота, но не смолкает песня та.

И лес — листвою разодет, и камень — от столетий сед,
И солнечная тишина, и величавая луна,
И огнецвет, и первоцвет, и всё, чем славен белый свет,
Вбирает вечный голос той кукушки вещей золотой.

И человек — природы сын,
Поднялся думой до вершин,
И песню слухом ловит,
Но
Душою все ль понять дано?

* * *

Все, что под синью небосвода,
Рождаясь, дышит и живет —
И лес,
И птицы,
И народ, —
Тебя, Земля,
Тебя, Природа,
Великой Матерью зовет.

О, сколько нас, детей, у мамы,
В степи,
В тайге,
В стремнинах рек!..
И среди прочих — младший самый
И слабый самый —
Человек!

Появился на свет — беззащитен и гол,
Но сияла в руке золотая стрела!
Человеку она подарила огонь —
Материнский очаг, свет родного тепла.

И Земля — мать огня, Небо — грозный отец
Рассудили: пока, появившись на свет,
Беззащитен и гол несмышленный птенец,
Будет в огненный свет и обут и одет.

Пеленали пока — наставляли сынка:
Подрастай поскорей среди птиц и зверей,
Вровень с ними вставай, сердцем не забывай —
Это — братья твои, дети общей семьи...

* * *

И крепка, и прочна колыбель человека,
И щедра длань природы великой, пока
Помнит верной душой он о братстве от века,
А не мнит из себя всеземного царька.

Колыбель человека прочна и надежна,
С ним останутся в братьях зверье и цветы,
Лишь покуда он сам, возвеличась ничтожно,
Не расплещет моря, не разрушит хребты,

Не собьет на лету пролетающих братьев,
Не рассеет отцовских небес синеву,

Не сразит на бегу пробегающих братьев,
Проплывающих братьев не убьет на плаву.
Не направит покуда стрелу золотую
Против той, кем он создан, — природы самой...

Мал и слаб он еще, только начал земную
Жизнь, и разум его не взошел над травой...
Верно пестуя днем, охраняя ночами,
Несмышлениша-сына, жалея, любя,
В колыбели природа тихонько качает,
Чтоб скорее подрос, чтоб познал он себя...

* * *

По миру жизнь свою гоня,
В родных горах под новолунье
Однажды ты убьешь меня —
Кукушку — вещую певунью.

И, голову отрезав мне,
Костер под тополем разложишь,
Изжаришь голову в огне
И перед сном ее обгложешь.

Уснешь как мертвый. Не дано
Тебе понять во сне беспечном,
Что охватил огонь давно
Листву на древе вековечном.

* * *

И лишь когда огонь взлетит,
Коснется дрогнувшей вершины,

И загрохочет, зашипит,
И рухнет остов тополиный,

И вспыхнет в озере вода,
И беззащитно горько-звонок
Исторгнет голос свой тогда
Осиротевший мараленок!

Ты утром мать его сразил
У этих вод, на водопое...
Тут лишена природа сил,
Обезображена тобою!

От плача бедного сынка
Живое в горечи поникнет,
Пробьет до звезд он облака,
Он до глубины земли достигнет!

Пылает лес! Горит вода!
Весь мир кричит как мараленок!
Беспечный — может быть, тогда
Ты зашевелишься спросонок,

Но голова твоя в дыму,
Пылает сердце, догорая, —
Как эту огненную тьму
Ты одолеешь,
Я не знаю.
Как вечный тополь сохранишь,
Воздвигнутый тремя мирами,
И эти воды освятишь,
И эти души воскресишь,
И обуздаешь это пламя?!

Ты помни, —
 Я еще жива,
 Еще на тополе листва
 Звенит под солнцем золотым,
 И кукованием моим
 Полна округа как всегда,
 Где белопенная вода,
 Где белорунные стада...

Я возвещаю ход времен
 Всем людям четырех сторон,
 Летят с небес мои слова,
 Пока жива,
 Пока жива...

ПЕСНЬ — ОТВЕТ ХАН-АЛТАЯ

— О Алтай наш солнечно-лунный,
 ты настрой на топшуре струны,
 расскажи, как нам дальше быть,
 силу вольную не избыть,
 чтоб горел, не погас очаг,
 чтобы наш батыр не зачах? —
 говорят, так вскричал однажды
 стихотворец один отважный,
 от отчаянья возрыдав,
 всех соседей вокруг собрав.

Говорят, Хан-Алтай нахмурил
 величаво свое чело,
 нити горных хребтов, как складки,
 по лицу побежали зло,
 заметались в ущельях тени,

и туман на долины пал,
словно мудрый кайчи¹, с презреньем
он громово зарокотал:

— Я единожды отвечаю,
только раз в полтысячу лет,
так внимай же, хотя я знаю,
не утешит тебя ответ,
неразумны твои вопросы,
а еще бестолковой слезы,
и зачем ты их — не пойму —
льешь к подножию моему.
Ведь тому, кто и жнет, и сеет,
кто в привычном труде возрос,
жизни суть не в пример яснее
и бессмысленен твой вопрос.
Нет народу большого дела
до того, что он мал числом,
за себя постоит он смело,
злые ветры не пустит в дом.
Кто изведал борьбу и тленье,
славу, гибель, событий ход,
свято веруя в возрожденье,
в простоте на земле живет.
У народа душа такая,
что вмещает весь белый свет.
Как же можешь ты, причитая,
хоронить его в цвете лет?!
Ты его узнавай по делу,
по стремительности зрачков,
будь с ним вместе душой и телом,
отрешась от никчемных слов.
Испытав сто земных тревог,
что ты скажешь потом, пророк?

К а й ч и — исполнитель эпоса.

Так изрек Хан-Алтай и тучи
отогнал от седых вершин,
ниспуская свой свет летучий
на зеленый ковер долин,
где народ, как и встарь, живет,
нерушимо ведя свой род.

II. ЯЗЫЧЕСКИЙ
КАЛЕНДАРЬ

1967—1977 гг.

ЯЗЫЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

*Где жил мой предок встарь,
Горами окружен,
Гляжу я в календарь
Языческих времен.*

* * *

Сижу перед отъездом
я возле огня в тишине.
И красных очей
не сводит с меня
От-эне¹.

Быть может,
зов предков
багрится в очах
От-эне?
Но почему безъязыким
сделалось эхо во мне
накануне отъезда?

1968. Год Обезьяны. Месяц Косули

* * *

Осень,
исчезли летучие мыши,

¹ О т-э не — богиня, мать Огня, изображалась тридцатиголовой.

венчаны листьями мокрые крыши.
Месяц Марала.
Приблизился птичий отлет.

Прыгать в седло
мне, джигиту, не внове,
шапку надвинув на самые брови,
лунной долиной
лошадь бросаю в намет.

1968. Месяц Марала

* * *

Вспоминаю не без грусти я,
на дорогу выходя,
материнское напутствие,
космы позднего дождя.

Скально высь над бездной дыбится,
облачившись в облака.
И печальноликим видится
мне Алтай издалека.

1968. Месяц Гудящего Ветра

* * *

Полузабытый месяц в вышине,
коней глухая поступь
и, знакомый,
летит навстречу,
прошуршав соломой,
осенний ветер
по седой стерне.

И не узнать мне, может,
никогда
тех песен, что певал мне
предок славно,

всю ночь в седле качаясь
неослабно.

И вторила вершин ему
гряда.

*1968. Год Обезьяны.
Месяц Гудящего Ветра*

* * *

Над Хиросимою беда,
Там небо взорвано...
Туда,
став журавлем,
лечу печально.
Глаза расширились овально,
а туч
кровавится орда.

Лечу,
набравший высоту,
лечу
в последнюю дорогу
и, умирая на лету,
трублю над Азией
тревогу!

*1968. Год Обезьяны.
Месяц Зимней Косули*

* * *

Слышу знакомую речь
на всех перекрестках...
Птицы к теплу улетают.

Осень черту подвела
срокам сезонных работ.
Месяц Гудящего Ветра,
время отлета домой.

*1968. Год Обезьяны.
Месяц Гудящего Ветра*

* * *

О, когда же
язычником быть перестану...
Утром белую спину
погладив туману,
в поднебесье стою
и в безмолвной мольбе
вновь, Алтай
мой — Хангай,
поклоняюсь тебе!

*1969. Год Курицы.
Месяц Студеной Звезды*

* * *

Однорукий табунщик
в верховьях реки Каракол...
Был солдатом,
с войны
в сорок пятом пришел.
И узнали соседи
в родной стороне,
что оставил Победе
он руку свою на войне.
А коней не оставил,
где травами
зыбится дол,

однорукий табунщик
в верховьях реки Каракол.

*1969. Год Курицы.
Месяц Возрождения*

* * *

Нет лучше колыбели для зерна,
Чем пашня та, которая черна.

И знаю, вороного скакуна
Ценилась масть в любые времена.

Пусть вовремя появятся к добру
Над полем тучи черные в жару.

А сколько раз,
 пленительно влюблен,
Бывал в очах я черных отражен.

И ночь черна,
 но глянь, как хороша!

От века
 только черная душа —

Гнездовье черных помыслов и зла —
Презренной по достоинству была.

*1969. Год Курицы.
Месяц Студеной Звезды*

* * *

На опаловую дымку
Небеса с землей в обнимку
Улеглись.

И через край
Снег навален игловатый,
Буйным паводком чреватый
До прилета птичьих стай.

И до самых горных складок
Дым течет и воздух сладок...
— Здравствуй, бабушка Алтай!

*1969. Год Курицы.
Месяц Каменного Барана*

На зиму скот забивают
в алтайском селенье
и на жгучем морозе
пьют цейлонского чая
настой.
Слышен говор,
чье эхо гудит в отдаленье.
Крыши выбелил иней,
он синий,
густой.
В алтайском селенье
ядренный мороз.

*1969. Год Курицы.
Месяц Осенних Кочевий*

* * *

Минет тысяча лет,
и вослед
пролетит еще тысяча лет,
а на каменном склоне Алтая
будет вольно расти,
как растет,
буйно зеленью вечной блистая,
можжевельник...
Бессмертен народ!

*1969. Год Курицы.
Месяц Возрождения*

* * *

Забыв про седые метели,
встречая зеленые весны
и слушая вольные ветры,
скажите мне, черные ели,
скажите мне, синие кедры,
похож ли средь ваших знакомых
я нравом на буйство черемух,
что заметью белого цвета
ложится в преддверии лета
к ногам вашим в свете луны?

Почто не даете ответа,
деревья родной стороны?

*1969. Год Курицы.
Месяц Кукушки*

* * *

Стремена звенят, но не вижу коня,
удила звенят, но не вижу коня,
блики костра на лице у меня,
пляшет в глазах моих отсвет огня.
Вижу коня, что белей молока,
бледного вижу на нем ездока.
Ужели однажды из царства теней
так всадник прискачет за жизнью моей?

*1969. Год Курицы.
Месяц Малой Жары*

* * *

Белым гусем,
застигнутым бурей,
обессилен,

лечу я, скорбя,
и протяжно над осенью бурю
все кричу, вспоминая тебя.

*1969. Год Курицы.
Месяц Возрождения*

* * *

Странной птицей —
Тенгери-теке
я себе предстал.
И проплывала,
чуть дрожа,
над гребнем перевала
синяя звезда невдалеке.
Мне казалось,
что звезда стонала
и на горы темные внизу
с высоты полуночной роняла
за слезой жемчужную слезу.

*1969. Год Курицы.
Месяц Кукушки*

* * *

Я приехал при новой луне
И уехал при новой луне.
И обида в душе у любимой
По моей вдруг возникла вине.

Не молила любовь, не звала,
Все простила, добра и мила,
Мне вослед обронила слезинку,
Что печальна была и светла.

И теперь вот, при старой луне,
С горькой думой я наедине
О былом своем счастье тоскую,
Никогда не вернуть его мне.

*1969. Год Курицы.
Месяц Цветения Кандыка*

* * *

Очков округлые оконца,
лик смугловат, как ответ дня...
Я встретил, помнится,
японца,
он был похожим на меня.
За неимением досуга,
в толпе,
где сутолочна близь,
мы удивленно друг на друга
лишь глянули
и разошлись.

*1989. Год Курицы.
Месяц Малой Жары*

* * *

Шевелишь губами,
но опять
не могу ни слова разобрать.
И порой мне снится под луною,
рухнувшему в позднюю постель,
будто ты склонилась надо мною
и поешь,
качая колыбель.

*1969. Год Курицы.
Месяц Цветения Кандыка*

* * *

Говорят в тайге мужчины:
— Если падать, то с вершины
Кедра, что коснулся звезд.

Чтоб упасть и высечь пламень,
А потом, держась за камень,
Встать упрямо в полный рост.

*Год Коровы.
Месяц Осенних Кочевий*

* * *

Серая осень,
Седая трава,
В опаловом небе
Серебряный лебедь.

Ведет меня снова
В России тропа
Туда, где ручья
Еще слышится лепет.

Костер разжигаю,
И кажется мне —
Я черного лебедя
Вижу в огне.

А красный собрат его,
Перья теряя,
Над белой березой
Летит в вышине.

Лег дым над шафраном,
И память со мной
О карих очах
С поволокой сквозной.

*1968. Год Обезьяны.
Месяц Осенних Кочевий*

* * *

Однажды совестливый снег,
Хоть чуден был его набег,
Даль обелив, растаял вскорее,
Но не забылся до сих пор.

Однажды аспидная ночь,
Как эта новая, точь-в-точь,
Хоть и пророчила мне горе,
Ее не сбился приговор.

Однажды девушка была
Отзывчива и весела,
Но вдруг переменялась вскорее,
И стал ее печален взор.

Однажды молодость была,
Но так стремительно прошла,
Как месяц май в цветном уборе
На поднебесных склонах гор.

*Год Мыши.
Месяц Зимней Косули*

* * *

Во всем загадка бытия —
В движенье времени и в малых
Травинках,
 выросших на скалах,
В напевах горного ручья.

Черед времен.
 Предрешено,
Что будем, верные повадке,
Весь век ключи искать к загадке,
Неразрешимой все равно.

Перебираешь ли словарь,
О жизни ль судишь не беспечно.
Все переменчиво и вечно
И все таинственно, как встарь.

Ты тростнику внимать привык,
Что над рекой гудит от века,
Но вздрогнешь,
 если человека
Напомнит голосом тростник.

Встает над кедрами рассвет,
И, ладить песни мастерица,
Поет заливистая птица,
И для нее загадок нет.

*Год Коровы.
Месяц Зимней Косули*

* * *

Это случилось в месяц Кандык,
Был мой сынишка в параличе,
Грозно пылала его голова
И на моем возлежала плече.

А за окном по зеленой траве
Гусыня вела еще желтых гусят.
И показалось мне, будто сынок
Бросил на них вдруг очнувшийся взгляд.

В чудо поверило сердце мое,
Напоминая под ветром свечу.
И ни о чем не просил мой сынок,
В муке доверчиво льнувший к плечу.

Белые гуси на желтой траве,
Белые гуси над снегом вершин.
«Ответь, — говорю я, — Умай-эне —
Когда ж наконец исцелится мой сын?»

*Год Коровы.
Месяц Косули*

* * *

Весной распутица была,
Поблекло летом все от пыли,
Дожди под осень зарядили.
И лишь зимою Улала
Чарует очи, вся бела.

*Год Коровы.
Месяц Зимней Косули*

* * *

Хладеет небесная просинь,
желтеет на поле жнивье.
Прозрачна алтайская осень,
шесть лет, как не видел ее.

Колосья голодного детства
мы шли собирать налегке.
Куда нам от памяти деться?..
Слезинка ползет по щеке.

*1969. Год Курицы.
Месяц Марала*

* * *

Бранил жену,
но в тот же вечер,
воочию, как в первый раз,
увидел худенькие плечи
и две слезы в тумане глаз.

Вмиг сердце екнуло и сжалось,
осекся,
голову клоня,
и в грудь иглой вонзилась
жалость:
— Прости, воробушек, меня!

*1969. Год Курицы.
Месяц Гудящего Ветра*

* * *

Тяжел год Курицы, тяжел.
Коль верить древнему преданью,
он соответствует названью.
Из жизни человек ушел,
мой друг Берден,
а был он добрым малым,
охапки сена выносил маралам...
Тяжел год Курицы, тяжел!

*1969. Год Курицы.
Месяц Каменного Барана*

* * *

Приехав без билета на вокзал,—
«Отсюда к дому ближе», —
он сказал.
И, засвистев мелодию, понятную
ему лишь только,
поезд проводил.
Когда бы пред учебой на попятную
он смог пойти,
дорогою обратною
сегодня на Алтай бы укатил.

*1970. Год Собаки.
Месяц Кукушки*

* * *

Длинногривый
ливень черный
ливню вслед летел вдоль скал.
На скаку из кручи горной
стрелы молний высекал.
И на склонах Кулгайры
грома сталкивал шары.

*1970. Год Собаки.
Месяц Малой Жары*

* * *

Над алтайской каменной грядой
я родился —
ветер молодой.
Кажется, в безмолвье синевы
я с тугой сорвался тетивы.
Погулять бы мне по белу свету,
собственной судьбы оставить мету.

*1970. Год Собаки.
Месяц Малой Жары*

* * *

Подобна замерзшему озеру
холодная синева...
И пиале подобна
звонкая синева...
Слова, что сказаны были,
цветы, что едва не раскрылись...
Ушел...
И увяли они...

*1969. Год Курицы.
Месяц Марала*

* * *

Сенокос был в разгаре,
а смерть за старухой явилась.
И взмолилась старуха:
— Прошу, окажи ты мне милость.
Приходи,
 когда на́ поле лягут снега.
А теперь недосуг —
собирать надо сено в стога!

*1975. Год Быстроногого Зайца.
Месяц Малой Жары*

* * *

Нынче в год Быстроногого Зайца
В месяц Малой Жары, когда в чаше
Счет вела без умолку кукушка,
Эти строки, как строчки по шелку,
Мной нанизаны были в Каясе.

*1975. Год Быстроногого Зайца.
Месяц Малой Жары*

* * *

Вниз летит по Иртышу
одинокий дикий гусь,
задыхаясь, не кричит,
машет крыльями едва.
Ах, не все ль ему равно,
то начало иль конец?
Ведь до устья дотянуть
не сумеет дикий гусь.

*1969. Год Курицы.
Месяц Марала*

* * *

Стародавнюю песню
всю ночь напролет
пели кедры,
завидев, как тучи,
наползая на белые кручи,
со снегами вели хоровод.
И на север
все дальше летели,
их полет становился могуч.
И гудели во чреве метели
у косматых беременных туч.

*1969. Год Курицы.
Месяц Гудящего Ветра*

* * *

Небо. Ночь. Деревня. Деревя.
Где-то близко ухает сова.

*1971. Год Кабана.
Месяц Архара*

* * *

Стал не хуже таежный зверь,
Просто желтый попался соболь,
Не народ измельчал, поверь,
Просто встретил ты дуралея.

*1971. Год Кабана.
Месяц Кукушки*

* * *

Когда с серебряной серьгой,
Вдали отеческого дома,
Тебя однажды, дорогой,
Красотка ловко заарканит,

Ты вспомни гору над тайгой,
Когда на небе месяц встанет
И снова золотой серьгой
Во тьму к ушку ее прильнет.

*Год Собаки.
Месяц Кукушки*

* * *

От наших сплетавшихся рук
Растаяли льды на вершинах,
От наших сливавшихся губ
Наполнились улии медом.

Окончилось время разлук,
И племена примирились.
Взросло поколений число,
Наперекор воеводам.

*Год Собаки.
Месяц Студеной Звезды*

* * *

Белый снег. Звонкий воздух.
В обугленном небе
зоркие звезды,
как рысьи глаза
в темноте.

*1971. Год Кабана.
Месяц Студеной Звезды*

* * *

На опустевшем стойбище
седая коновязь.
Ленивый зной.
И оводы жужжат.

*1969. Год Курицы.
Месяц Большой Жары*

* * *

Мы в подножье Алтая.

Смотри,

Как вокруг до подоблачных кряжей
Ранним пурпуром летней зари,
Словно паводком, залито все.

Красный беркут парит в вышине,
С неба киноварь льется в озера,
И душа замирает во мне
От любви к тебе, горный Алтай.

Степь предгория, вольная степь,
Чу, прислушайся! Конница скачет.
И хребтов приближается цепь,
Ах, как сладко душа замирает.

* * *

Синее, синее, синее небо,
Синею дымкой покрытые горы,
Вы мне нужнее насущного хлеба,
Вы и надежда моя, и опора!

Тихо Катунь голубая струится.
Листик березы среди тишины
Бабочкой вьется и тихо садится
На язычок набежавшей волны,
Бьется у берега. Сколько ни бьется —
Больше взлететь ему не удастся.

Тихая грусть. Поглядишь на березку —
Кажется, будто грустит и она.
Снова листок обронила, как слезку.
Тихо. Вздохнет лишь порою волна...

* * *

Грянул гром,
как будто бревен
груду
сдвинул, что есть сил...
И с земли
глухой Бетховен
пальцем
небу
погрозил!

*1969. Год Курицы.
Месяц Кукушки*

* * *

У слиянья двух великих рек,
где излуки-груды спят, мерцают,
я сижу уже который век,
голову склоняю, восклицая:
— Где ты, где ты нынче, песнь моя,
отчего тебя не слышу я?!

*1970. Год Собаки.
Месяц Большой Жары*

* * *

Родина,
 тишайший мой Алтай,
отчего из мрака мирозданья
донеслось, как будто невзначай,
хриплое тяжелое дыханье
сизых,
 скифских,
 непростых времен
и отозвалось в душе стозвонно,
так вот камнепады своевольно
пазырыкский оглашают склон.

* * *

Мы в подножье Алтая.

Смотри,
Как вокруг до подоблачных кряжей
Ранним пурпуром летней зари,
Словно паводком, залито все.

Красный беркут парит в вышине,
С неба киноварь льется в озера,
И душа замирает во мне
От любви к тебе, горный Алтай.

Степь предгория, вольная степь,
Чу, прислушайся! Конница скачет.
И хребтов приближается цепь,
Ах, как сладко душа замирает.

* * *

Синее, синее, синее небо,
Синею дымкой покрытые горы,
Вы мне нужнее насущного хлеба,
Вы и надежда моя, и опора!

Тихо Катунь голубая струится.
Листик березы среди тишины
Бабочкой вьется и тихо садится
На язычок набежавшей волны,
Бьется у берега. Сколько ни бьется —
Больше взлететь ему не удастся.

Тихая грусть. Поглядишь на березку —
Кажется, будто грустит и она.
Снова листок обронила, как слезку.
Тихо. Вздохнет лишь порою волна...

* * *

Грянул гром,
как будто бревен
груду
сдвинул, что есть сил...
И с земли
глухой Бетховен
пальцем
небу
погрозил!

*1969. Год Курицы.
Месяц Кукушки*

* * *

У слиянья двух великих рек,
где излуки-груды спят, мерцая,
я сижу уже который век,
голову склоняю, восклицая:
— Где ты, где ты нынче, песнь моя,
отчего тебя не слышу я?!

*1970. Год Собаки.
Месяц Большой Жары*

* * *

Родина,
тишайший мой Алтай,
отчего из мрака мирозданья
донеслось, как будто невзначай,
хриплое тяжелое дыханье
сизых,
скифских,
непростых времен
и отозвалось в душе стозвонно,
так вот камнепады своевольно
пазырыкский оглашают склон.

И опять наступит тишина,
и опять нахоятся курганы,
времена — лихие стремена —
пронесутся, словно ураганы,
и растают в звездной глубине,
пропадут, не воплотившись в слове,
оставляя на бегу во мне
смутный голос закипевшей крови.

*Год Кабана.
Месяц Косули*

* * *

В верховьях Куюма
живет одинокая дума.

В год Тигра, пронзительный месяц Марала,
когда бесновались дожди на рассвете,
она не однажды меня окликала,
пытаясь о чем-то поведать сквозь ветер.

О чем? Не успела. А нынче с рассветом
одни лишь дожди устремляются к дому.
Неужто, сквозь ветер и дождь, о заветном
она докричалась кому-то другому?

* * *

Памяти поэта Намжила Нимбусва

Не знаю, встретимся ли невзначай
в мире ином, мой друг.
Но побратимства нашего знак,
журавленок в сердце моем,
в небе рисует круги пятистишия-танки.

Я, словно крылья, руки распластав,
Гляжу с седой вершины Алатау,
И предо мной, распахнут неоглядно,
Степей казахских движется простор.

Хоть слышу давних распрей отголоски,
От Иртыша до Волги — степь едина.
Найман с кыпчаком и уйсун с адаем¹
И обликом и духом мне близки.

ДОЛИНА ТЕРЕН

I

Лента белая
В белой долине
Возле белых берез
На снегу.

Где бела кобылица
Поныне,
Исходя молоком
На бегу.

Белый путь,
Белый свет,
Оробелый
С белой верой
Повенчанный дух.

Камень капища
Осиротелый.
Белый кедр,

¹ Казахские племена.

Только в солнечный час иль звездный
мысль ужалит ее, как пчела,
как внезапно ты стала взрослой,
еще маленькая вчера.

ДЕРЕВНЯ

Все дальше и дальше
от дома родного
я удаляюсь.
Верст между нами
легло уже много,
вот я и маюсь!

Селенье, где вырос
с вершиною рядом
в сизом тумане,—
вслед мне глядит
укоряющим взглядом....

Знаю заране:

если вернусь я
по зову упрека
в родное селенье,
то вознесусь я
и вправду высоко.

Грянь, вознесенье!

* * *

Что препираться? Время
Свой суд произнесет:
Рассудит и оценит,
Низвергнет и спасет,

Вознаградит за подвиг
И не простит вины...

Но все ль передоверить
Мы Времени должны?

*Год Коровы.
Месяц Осенних Кочевий*

* * *

Как только в руки мои
попадала бумага, то сразу
стихи, мне запавшие в сердце,
исписывать я начинал,
как дитя улаждая себя.

*Год Коровы.
Месяц Зимней Косули*

* * *

Душе моей — уже который год —
Несвойственны наивные порывы.
И снов далеких светлый хоровод
В ней не теснится роем торопливым.

Глазам моим — без лжи и без прикрас
Увидеть мир я повелел сурово.
И перебрал — уже в который раз —
Холодным утром речь свою до слова.

Свершались чередою, не спеша,
Далеких лет порывистые клятвы...
Тогда и поняла моя душа,
Что мужество пришло, как время жатвы.

*Год Коровы.
Месяц Зимней Косули*

* * *

От старых этажерок, на которых
Летать учился Сент-Экзюпери,
До лайнеров в сегодняшних просторах
Лишь только шаг. Ну, два. От силы — три.

Путь недалек, выходит. Но какие
Отважные, железные почти,
Сердца, неповторимые людские,
Сгорели, как моторы, в том пути!

* * *

Серебристые птицы,
Гудя богатырски,
Над великой Отчизной
Промчали меня.
Серый полдень в Москве,
Сумрак — в Новосибирске,
Над Алтаем —
Рождение
Нового
Дня!

Здравствуй, маленький город,
Родной и желанный!..
Только вдруг тяжелеет
Мой радостный шаг:
Как по скользкому насту,
Бредет полупьяный —
И в душе у меня
Воцаряется мрак.

Очень многим сегодня
Мы вправе хвалиться,

Но зачем же маячат
Порою во мгле
С нехорошей ухмылкой
Потухшие лица
На цветущей
Земле?!

* * *

О неужели из глубокой тьмы
твое лицо сверкнуло мне луною?
Здесь на земле с тобой расстались мы,
но образ твой витает надо мною.

* * *

О как изменчивы судьбы и лица.
Что разделяет паденье и взлет?
Гордый верблюд на глазах превратится
в юркую мышку и в норку уйдет.

Может лягушка стать добрым батыром
и непреклонно вдруг станет горой.
Что управляет таинственно миром,
где начинаются трус и герой?

ОДИНОЧЕСТВО

У телеги ветхой
Грустный скрип колес.
Бабка одинокая ворчлива.
Чем-то недовольна,
Все ворчит под нос.
А слыла когда-то терпеливой.
Но с тех пор, как близких
Отняла война,
Сгорбилась, состарилась до срока...

Все по бездорожью
Держит путь она
На своей телеге одинокой...

* * *

— Даже щеки устали, так долго свистел,—
мне сказал шалопай деревенский.
Я причину поступка узнать захотел,
и ответил он мне откровенно:

— Мне хотелось узнать, отзовутся ли мне,
или что мне в ответ донесется?
За него мне обидно вдруг стало вдвойне:
— Ничего, кто-нибудь отзовется.

* * *

— Откуда ты, Алтай, земля такая! —
в сердцах запрочитала нараспев
старуха, головой седой качая,
устало на минуточку присев
на шумной свадьбе у котлов кипящих.
От горьких слез звенел печальный крик,
с утра для всех усердно хлопотавшей,
всегда веселой, острой на язык
старушки этой, бедной, одинокой.
Зачем она не гонит думу прочь,
зачем она кричит в тоске глубокой
и кто бы ей сейчас сумел помочь?

* * *

Но черного врага не пожалей,
иначе наживешь исход плачевный.
И подведет тебя в беде твоей
друг слабый, ненадежный и никчемный.

А вверишь сердце девице — ну что ж,
терпи за пазухою уголек горящий.
А если всех чужими назовешь,
твоя душа к другим уйдет скорбяще.

Не отступайся от стези вовек,
отступишься — и не заметишь даже,
как голову теряет человек,
и не найдешь тогда своей пропажи.

* * *

Безлюдны юрты, крытые корою,
Чуть засверкает в воздухе снежок.
Над дымоходом редкою порою
Тогда заметишь жиденский дымок.

Но если донесет случайным ветром
Треск головешек, кисловатый дым,
Все ясно: неподвластная запретам
Зимы колдует тетушка Дилым.

Опять не усидела в теплом доме,
Все по старинке трудится она,
Спешит ячмень поджарить, так знакома
Работа эта, с нею не до сна.

Как белка — бесконечное занятие:
Разжечь огонь и добавлять дровец;
Ведь у хозяйства цепкие объятя,
Здесь дел без счета, не сыскать конец.

Не каждая возьмется молодуха
В чадыре похозяйничать зимой,
Тут мало силы воли или духа,
Тут нужно, чтоб характер был крутой.

* * *

Наступленья зимы ожидает Алтай!
Пьют старухи цейлонский живительный чай.
На порогах в раздумье сидят старики,
Длинных трубок прокуренные черенки
С расстановкой касаются губ.
И жилища на склонах соседственных гор
Телеграфный ведут меж собой разговор
Гулким стуком
Хозяйственных ступ.
Завершается время осенних забот.
Забывают хозяева на зиму скот.
Вечерами — темней, по утрам — холодней,
И людское дыханье стало видней.
Над селеньем клубами восходит оно,
Превращается в облака,
И волнует меня, словно в детстве, давно,
Первый скрип молодого снежка.

Стали печи топиться. Курятся думы.
На высоком Алтае начало зимы!

* * *

На перепутье шести дорог,
сверкая розовыми клыками,
следя медлительными зрачками
за перехлестом людских тревог,
я, словно сказочный Ак-Бури¹,
с хвостом, длиной в полусотню сажен,
как прежде, ловок, силен, отважен,
купаясь в алых лучах зари,
жду выход твой, о мой верный друг,
Кускун-Кара¹, богатырь могучий,

¹ Ак-Бури (Белый Волк), Кускун-Кара (Черный Ворон) — персонажи алтайского эпоса.

гляжу на степи, леса и кручи,
ловлю во времени каждый звук.
Быть может, снова ты стал Бобром,
быть может, принял ты образ зверя,
чтоб сохранить человечность, веря
в неиссякаемое добро.
А быть случится лихому году,
ты воротисься опять к народу.

* * *

Каменный порог Эль-Бабургана
Резво обегая, огибая,
Ты куда стремишься неустанно,
О Катунь живая, голубая?
На порогах стонешь и рокочешь...
Ты чего, скажи, от жизни хочешь,
Дочь белоголового Алтая?

Или наши горы не красивы?
Или люди сонны и спесивы?
Или о тебе сказали худо?
Почему ж стремишься ты отсюда?

Но бежит река не отвечая,
Отраженья на волне качая,
Горы заповедного Алтая
Покидая и не покидая...

* * *

И тебя взнуздают в миг единый,
И тебе сужден извечный путь,
Жеребенок с шеей лебединой!
Прыгай, но про это не забудь.

Сладостна горячка юной крови!
Ты косишься, видя, что уже
Встал ловец с арканом наготове...
Но и ты пока настороже!

ПОТОМКИ

Расулу Укачину

Холода наступили. Пронзительно. Сыро.
Или можно иначе: томительно, сиро.
Мой товарищ дрожит, как ягненок больной:
Продувает пальтишко ветрище сквозной!
Но, играя со снегом мелькающим в жмурки,
Мы научный опять разговор завели:
Кто же были они, предки, древние тюрки,
И откуда пришли?
И от Ленинки до общежитья
Я с товарищем резво бегу,
Исторические события
Перенизывая на бегу.
Спорим в бурном, решительном стиле,
Добираясь до темных глубин,
Вспоминаем, что в мире свершили
Кюль-тегин и Йоллыг-тегин.
Ничего, что промозгло и сыро!
И пускай не заменят нам споры, догадки, стихи
Тех «дубленок» бараньих, что прежде носили батыры,
А теперь — пастухи,
Тех дубленок, что нынче столичные модники носят...
Что ж, любому — свое:
Тот у жизни дубленку себе поскорее попросит,
Тот — возможность людское постичь бытие.
На твою не надеемся милость,
О лихая зима,
Сами выстоим, лишь бы всегда сохранилась
Раскаленность души и холодная ясность ума!

* * *

Как прекрасен и добр мой Алтай!
Как богат он — поди сосчитай!
Перед ним я навечно в долгу.
Как его я прославить смогу?
Как воздам благодарность ему?
Где слова я такие возьму?

Тихой ночью при белой луне
Стало стыдно
 и горестно мне,
Что мой голос негромок и мал.
Встал на камень я и закричал.
Чутким эхом откликнулась тишь:
— Ты чего, неразумный, кричишь?

* * *

Три стремительные тени,
Прочертив со свистом высь,
В голубой небесной сени
Надо мною пронеслись.

Как прочесть мне эти строчки —
Крыльев быстрых письменна?
Птицы превратились в точки.
Надо мною тишина.

Если б раньше спохватиться!
Наяву, а не во сне
Предсказать хотели птицы,
Сообщить о чем-то мне.

Журавли — примета встречи.
Гуси дикие — печаль.

Воронье — пустые речи.
Лебеди — разлуки даль.

К перемене мест — синицы.
А неузнанные птицы?

* * *

Да буду я глазами для слепого,
Да буду я безногому опорой,
Да буду безъязыкому глаголом,
Да буду силой слабых я, поэт!

Я опущусь в глубины океана,
Взойду на неприступнейшие горы,
Я соберу целительные травы,
Я визнаю бессмертия секрет.

Я все смогу на свете, все сумею,
Я буду неустанен и упорен,
Лишь ты не отторгай нас безвозвратно,
Лишь ты, земля, не отвергай меня!

Твой черный цвет — он для души не мрачен,
Твой черный цвет — он для души не черен,
В нем жизнь моя, и вера, и надежда,
Все многоцветье завтрашнего дня!

* * *

Слово в малом большое увидит,
вдруг развеет скопление невзгод,
уведет от жестокой обиды
и от злобы напрасной спасет.

Утешеньем сиротам и вдовам
служит искренней речи родник.
Знает силу великую Слова
сединай убеленный старик.

ПОВЕСТВОВАНИЯ ДНЕЙ НЫНЕШНИХ, БЛИЗКИХ

БАЛЛАДА
О ПЕРВЫХ РУССКИХ СЛОВАХ
И СТАРИКЕ БУШАЛДАЕ

Отец мой был парторгом колхоза тогда.
По утрам, неумело постучав в деревянную дверь,
к нему приходили мужчины в мохнатых белых шубах.
Они приносили с собой запах овчины, снега, снежной
хвои
и зимний холодок открытого неба.

Они подсаживались к отцу и говорили:
«На стоянке Ак-Кем не осталось кормов».

Или:

«Табун застоялся в верховьях Карасу.
Пока не закрыло перевал, надо коней перегнать ниже,
туда, где нет ветра и где еще стоит поздняя трава».
Они говорили:

«Бабушка Туйкандай совсем одна.

Ей надо выхлопотать пенсию
и оказать зимнюю помощь.

Отрядите парней, чтобы они привезли ей дрова.
Пошлите Бердена — пусть он застеклит ей окна».

Целый день приходили и уходили люди.
Но особенно много их бывало по утрам.
Они приходили к нам домой, потому что отец
сидел за столом со своими новенькими костылями:
неподкованный конь упал на молодом льду
и сломал отцу правую ногу.

Входившие люди казались нам, малышам,
сказочно огромными.
Это были табунщики, пастухи, охотники.
Они только раз в месяц спускались в село,
делая две остановки: у конторы и магазина.

В магазине они брали муку, соль,
комковый сахар, табак.
И еще немного конфет для таких же, как мы,
сорванцов.

Они набивали свои переметные сумы этим товаром,
неспешно отвязывали коней
и скакали обратно.
Они ночевали прямо на земле:
под голову — седло,
под бок — потник,
а одеялом служила жаркая мохнатая шуба.
На медленном небе над ними тихо кружились звезды,
освещая их усталые лица.
И только кони время от времени
встряхивали головами.

Но сейчас я хочу рассказать о старике Бушалдае.
Утром холод из двери добирался до меня
и шарил у мальчишки за пазухой.
Медлительно затворялась дверь,
и в дом входил Бушалдай.
Он долго кряхтел у порога,
старательно отряхивал ноги
и только потом окончательно входил к нам.

Он в тщательно сшитых из ножек косули
мягких сапогах на крепких тесемках.
Его шуба украшена красной оторочкой,
потребовавшей бездны искусства.
Шуба его охвачена синим матерчатым поясом,
который заменяет у нас кошельки и карманы.
На правом боку Бушалдая обязательный нож
с красивой костяной ручкой.

Лисий хвост целиком пошел на воротник его шубы.
Оттуда, из пушистого воротника,
вылезает очень морщинистая старая шея.

Его редкая бородка состоит из шести узких струек
индевелого дыма.

А из-под рысей шапки на меня и мою сестренку
глядели добрые внимательные глаза.

«Драстый!» —

произносил он, не переставая обеими ладонями
оттирать замерзшее лицо,
отделяя сосульки со своей неказистой бородки.

Ах, это русское слово!

В нем было что-то несказанное,

напоминающее нам реку, известную только

одному Бушалдаю:

она стремительно неслась вниз, бушуя

в распадах,

разъединяясь и сливаясь вновь.

Мы с сестренкой, ликуя, прыгали возле большой
шубы деда и теребили ее заманчивые полы.

Отец широко улыбался:

«Якши, Бушудай!»

Потом они пили кирпичный чай,

красный, как хорошо обожженный кирпич.

Старик старательно дул на поверхность чая

и отхлебывал из чашки мелкими глотками.

Они говорили с отцом о табунах, об овсе,

о войне в Корее и атомной бомбе.

Они говорили о том, что на верхних стойбищах

не хватает соли.

Наговорившись и столковавшись,

они пожимали друг другу руки,

и старик несколько раз повторял

еще одно русское слово «карашо».

Потом сажился на мохнатого крепкого конька

и уезжал.

Отец мой умер.

Ему было бы сейчас шестьдесят.

А Бушалдай жив,
ему почти девяносто.
И я, приезжая домой на каникулы,
обязательно навещаю его.

Я вхожу в дом и с удовольствием говорю:
«Здравствуй!»
Уважаю табунщиков!
Старик, правда, теперь на пенсии,
возраст его преклонен,
но такой человек, как он, не может сидеть сложа руки.

«Здравствуй!» — говорю я почтительно.
А потом мы пьем чай, красный, как кирпич,
и говорим о весне, об овсе, о войне во Вьетнаме.
О выходе в космос обязательно и подробно.
И еще о том, что на верхних стойбищах
не хватает транзисторов.

У меня огромный запас слов.
Но я не забываю два своих первых русских слова —
«здравствуй» и «хорошо»,
которым меня научил старик Бушалдай,
почти что не знавший по-русски.
Ведь в этих словах так много
самого главного — тепла и доброты.
На чем я и заканчиваю.

БАЛЛАДА О НАРЕЧЕНИИ

Вернулся я домой, в родимый край,
В Чагане-месяце, зимою белой.
Закоченев приехал в Онгудай,
Но весть веселая меня согрела.
У брата в доме было торжество:
Еще сынок родился у него!

И разговор пошел между родными—
Какое мальчугану выбрать имя?

Был у отца любимый брат — Чага.
В годину бедствий от руки врага
Погиб наш дядя гибелью героя.
Мы все гордились дядею Чагою.

И брату я сказал, что мальчуган,
На свет пришедший в месяце Чаган,
Чагою должен зваться, не иначе!..
— Чагою назови! Не слушай плача,
Стенаний, вздохов снох, невесток, мам,
Всех тех, кто будет повторять упорно,
Что не велит обычай древний нам
Давать младенцам имена повторно.
Зови Чагою!..

Брат кивнул в ответ,
Как будто он одобрил столь хороший,
Столь мудро обоснованный совет.

И сына своего назвал... Алешей.

БАЛЛАДА
ОБ АЛТАЙСКОЙ ПОГОВОРКЕ

Когда говорят, что тесен
стал мир под луною, который
еще недавно казался
бескрайним и безграничным,
когда говорят, что ныне
стало далекое близким,
я про себя улыбаюсь
и вспоминаю снова
пророческого чекана
древнюю поговорку.

В седьмом иль девятом колене
искуснейших словотворцев
моих смуглолицых предков
она родилась на свет.

В ту пору лихие майманы
и мужественные иркиты¹
в широкое лоно России
по собственной воле влились.

И кто-то, кто слыл златоустом,
слова оперив, точно стрелы,
изрек, словно в воду глядел:
«Наступит пора — и Московья
алтаец сумеет достигнуть
от дойки до дойки коров,
а до Петербурга добраться
алтаец сумеет за время
между очередными доениями кобылиц...»

Мохнатые смуглые предки,
седые, как зимние зайцы,
сухие, как трут перед искрой,
кочевники и табакуры,
не мудрствовавшие лукаво,
воины и дипломаты.

Они позапрошлого века
изустной и летописной
уйгурской истории были
действительными знатоками.
От них исходило дыханье
возвышенных истин Тибета
и ливней Большого Хингана,
и желтых тигриных самумов
пустыни по имени Гоби.

¹ И р к и т ы — алтайское племя.

От них исходило дыханье
арчина¹ под сводом кумирен
и пороха, что оставляет
аспидные облака.
Рекли они, словно стреляли,
слова их не знали промашки,
как меткие пули иль стрелы.
(Ибо ружья и луки
имели предтечи мои.)
Теперь от преданий старинных
к дням нынешним мост наведем.

В здании аэропорта,
будто в райцентровской чайной,
где для заезжих алтайцев
и для продубленных ветром
искусных водителей с тракта
котлеты найдутся всегда,
односельчанку однажды,
что в Ленинград улетала,
я повстречал ненароком.
Землячка моя рассказала,
что месяца Малой Жары
там, дома, страда наступила
(тепло и работы полно).
«На пастбищах буйствуют травы,
а в рощах зеленых кукуют
кукушки по тысяче раз».
(Кукуют, кукуют кукушки,
столетних старух обнадежа,
а молодые — беспечны,
лишь до ста считают, смеясь.)

Поведала односельчанка,
что дочка моя подрастает

¹ Арчин — алтайский можжевельник.

и хорошо по-алтайски
уже без умолку лопочет,
и бегаёт вниз по тропинке,
на луг, выгоняя ягнят.
«Такой она шустрою стала,
что бабушке нету с ней слада».
И я улыбался блаженно,
как будто бы нашим алтайским,
чистейшим и наисладчайшим,
я воздухом снова дышал.

Еще сообщала землячка,
что многие парни вернулись,
положенный срок отслужив.
В числе их домой возвратились
и старших два сына Мёрюша
(мои троюродные братья).

И вспомнилось мне, что недавно,
полгода тому, я в их доме
(от сына Мёрюша — Мёдея)
со штемпелем почты армейской
письмо развернул и прочел.
Писал он о том, между прочим,
что за ночь во время учений
державу от Владивостока
до Мурманска всю пересек.
Не разглашая секретов,
писал он, как звездной дорогой
летел над горами Алтая
и как приземлился в бескрайней
Казахской подлунной степи,
как вспомнил при этом он строки
главы из «Алып-Манаша»¹,
которая повествует

¹ «Алып-Манаш» — алтайский героический эпос.

о том, как летел над горами
гусь белый с письмом на крыле,
написанным собственноручно
богатырем знаменитым.
Мёдею пришлось туговато,
ведь день своего он рожденья
мог встретить, летя в поднебесье,
лишь песнею, спрятанной в горле,
без араки и без водки.
Но видел он отчие горы.
Они сквозь лиловую дымку
светились ему на удачу
и тем молчаливо гордились,
что сын их летит так высоко,
куда вознестись не способен
могучий царь птиц — Кан-Кереде...
Я слушал соседку и думал:
давно ли Майчиков Мёрюш
гонял в Онгудай ежедневно
свою пароконную бричку,
которая наибоыстрейшим
тягловым средством была
в горной долине
кануна
послевоенной поры...
Отвлекся... А женщина эта
поведать спешила, что ныне
на фермах отменный удой,
а значит: Диман — мой шурин,
молоковоза водитель,
отбил все печенки себе,
мотаясь к урочищам дальним,
где дойные ходят гурты...
Отвлекся... А женщина эта
поведать спешила, что в сроки
крестьяне закончили сев,
а значит, вздохнул облегченно

мой брат инженер, и вторично
тогда он вздохнет облегченно,
когда стригали отличатся
и кончится сдача руна.
И если пойдет все как надо,
то брат мой по третьему разу
вздохнет облегченно и крикнет
за стопкой во время байрама
и не помянет он лихом
дни месяца Малой Жары.
Но вот объявили посадку,
простилась со мною землячка,
что в классах начальных давненько
учительствует на селе.
Махнула рукой мне: — До встречи! —
Как было не знать ей, что скоро
мы дома увидимся с ней.
Она улетела, и вслед ей
глядел я,
как будто омытый
дождем голубого июня...

В край возвратившись родимый,
лето в разгаре застану.
Кто, кроме близких, заметить
сможет приезд мой в страду?
Косу возьму и, как ране,
утром, чуть свет, с косарями
выйду... (Тогда и заметят.)
Лучшего отдыха, право,
чем на косьбе, не найти.

Пух тополиный кружился.
И думал о том я, что предки,
как ясновидцы, сумели
предугадать в поговорке,

что от Москвы до Алтая
можно добраться свободно
за пять часов.

Это значит,
можно добраться за время
между доением коров.

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ

От старых ран отец наш умер,
оставив пенсию семье,
и нас оставив в вечной думе:
как быть, что делать на земле.

И не смогли мы отстраниться
от безотцовщины, нужды.
Порой истории страницы
темны от крови и беды.

И все ж судьбою сопричастны
с людьми мы были и страной.
И потому частица счастья
не обошла нас стороной.

Наш старший брат стал инженером,
вернулся из Москвы домой,
стал для других детей примером,
опорой всей семьи большой.

Немного лет прожил на свете
отец, и все ж прожил сполна.
Он чувствовал себя в ответе
за все мечты твои, страна.

На землях кулаков Уймона
он с юных лет был батраком.
И свет звезды краснойзнаменной,
и звезды в небе за окном

сияли огненно и чисто
в его бесхитростной судьбе.
И был он в честности неистов,
и жизнь свою прожил в борьбе.

Я понял навсегда и разом,
что нашей жизни рубежи —
лишь сердце доброе и разум,
не знающие зла и лжи.

Как он мечтал о знаний свете,
о том, что тьме придет конец,
о том, что выучатся дети —
был самоучкой наш отец.

В нем не было стремленья к славе.
С тех пор прошло немало лет:
он в нашей памяти оставил
кристальной совести завет.

БАЛЛАДА О НЕЙТРОННОЙ БОМБЕ

Баиру Дугарову

Мальчуганом,
ходившим под стол пешком,
я однажды услышал, сидя под ним,
речь старика соседа:

«Мне возвестил старец Ада вчера,
что скоро выйдет на землю к нам
чудище злое — алмыс».
Смех был ответом на эти слова,
мол, помутилось чуть-чуть в голове
у старика.

...В это далекое время
Чингисские горы
лишь начинали слегка сотрясаться от взрывов,
и по равнинам пустынной Невады
летели, клубясь,
пожирая несчастных койотов,
смертельные вихри,
а над вековой тишиною Лобнора
еще не вздымались, как ныне,
косматые желтые тени
бомб водородных.

А мы, несмышленные дети,
дрожали при мысли
о страшном-престрашном алмысе,
его представляя, как водится в сказках,
косматым, седым,
с обжигающим взглядом
под низко надвинутой шапкой,
с когтями,
а место, где должен он выйти, —
пустынный распадок Сорү.

И разве мы знали,
наивные дети природы,
что вышел давно он
и свищет по белому свету,

воздушные лайнеры быстро его переносят
с одной части света в другую, —
сбегает по трапу,
улыбкой своей ослепляя,
высокие речи с трибун говорит на конгрессах,
к услугам его —
деньги, люди,
а сам
все носится, носится огненным духом,
и дьявольский след наполняется кровью
ни в чем не повинных
детей, матерей...

БАЛЛАДА О ЛЕНИН-ДИАСЕ

В пору осени темной, ненастной
бьет холодными пальцами дождь
по окну, монотонно и часто,
мол, не слишком ли тихо живешь.

И в мерцании телеэкрана
я увидел его в первый раз:
отделенный от нас океаном,
мне понравился Ленин-Диас.

Это странное имя чилийца
и страны его узкий рельеф,
убежденный рассказ очевидца
и гортанная речь нараспев —

все меня потрясло удивленьем.
Непритворная радость людей
вдруг меня обожгла на мгновенье
и заставила думать светлей

о стране, что расправила крылья —
ярким был оживленный рассказ.
А в глазах бурундучьих, открытых —
теплый свет. Имя — Ленин-Диас!

Дальний брат мой, пусть я не увижу
и не встречу тебя никогда,
для меня ты останешься ближе
многих, с кем я знаком был года.

Сын шахтера на севере Чили
стал надеждою бедной семьи.
Чтобы стать инженером, учился
он в Москве, здесь встречался с людьми,

здесь прошел полный курс в институте.
И особой науки наказ
быть в ответе за Землю, по сути,
принял искренне Ленин-Диас.

Наши судьбы с тобою похожи,
друг далекий. Мне русский язык
близким стал, как тебе, и я тоже
знаю: Ленин ведет напрямик.

Мой отец имена со значением
нам давал (было семеро нас).
Имя каждому — как наставленье,
путеводная нить в трудный час.

Так отцы, о добре беспокоясь,
знали верную цену словам.

Быть другим не позволит мне совесть:
как я имя такое предам?

Где ты нынче, никто не ответит.
Может, мертв иль в застенках сейчас?
Вижу путь твой, сквозь камень и ветер,
брат далекий мой, Ленин-Диаз!

III. КОЧЕВАЯ
МОЯ ОЙКУМЕНА

(заново мир постигая)

1976—1978 гг.

ИЗ ЦИКЛА
«НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ»

ГОЛОС

В плацкартном вагоне и душно, и тесно,
И копотью пахнет. Дорожная проза.
Но спутница наша юна и прелестна.
Косички. Реснички. Москвичка. Мимоза.

Родители, знать, приложили старанье:
В девчужке живой, невысокого роста
Хорошее чувствуется воспитанье —
Умеет держаться достойно и просто.

Глазами большими доверчиво светит
И крутит на пальчик свой шелковый волос.
Да, кончила школу. Да, в гнесинский метит.
По мнению многих, имеется голос.

И так обо всем рассуждает толково:
Волнуется вот, нужен отдых на взморье.
Но только, пожалуй, от ветра морского
Охрипнуть боится. Вот было бы горе!

А мы говорим ей: — Не бойся, поступишь!
Ну, если не сразу, так позже немного.
Упорствуй! И если мечту не разлюбишь,
Не сможет тебе не открыться дорога
К высотам искусства.

Когда-нибудь песня
Твоя понесется и людям поможет,
И сделает жизнь и добрей, и чудесней,
Печаль пересилит, а радость умножит.

Лишь только б осталась ты нежной и чистой,
Лишь только б душа твоя не огрубела,
Была бы такой, как сейчас — голосистой,
И пела, и пела, и пела, и пела!

И, может, со временем в нашей столице
Под Новый ли год или к Первому мая
Большой и прекрасный концерт состоится,
И я, удивленный, твой голос узнаю.

И вспомню, как в поезде ехала с нами
На Рижское взморье девчонка-мимоза,
Делилась мечтами, сияла глазами,
И вмиг забывалась дорожная проза!

ПРЕОДОЛЕНИЕ

В полночь мы к морю выходим вдвоем,
Учимся плавать при свете звезды.
Втайне от всех пересилим, уйдем
Страх перед духами Тьмы и Воды:
Сколь современным себя ни зови,
Где-то он все же гнездится в крови!

Плаваем? Плаваем! Кажется мне:
Для неофитов достойно вполне.
Громко толкуем про давние дни,
Про суеверья: откуда они?

С духами вроде мы справились, друг,
Нам не придется об этом жалеть,
Но погляди поскорее вокруг:
Сколько еще предстоит одолеть!
Всяческой косности дух вековой
Так ли мы просто осилим с тобой?

Преодоления путь выбирай,
Смело в житейское море ныряй!

Волны бегут, и шумят, и гремят.
Им не в новинку: за столько веков
И не таких повидали ребят —
Смелых героев, лихих чудаков.

В блеске могучей и вечной красы
Мчатся валы, как гривастые львы,
И, расправляя седые усы,
Нам говорят:

— Что ж, дерзайте и вы!

Прежде всего — не жалейте себя,
Прежде всего — одолейте себя!

А далеко, далеко, далеко
На горизонте — огни да огни.
Только посмотришь и станет легко:
В море и ночью мы все ж не одни.
По морю люди плывут и плывут.
Смотрят на звезды. Дерзают. Живут.

НОЖИК

Попросил старика: — Наточите мне нож!
Замечательный нож.
Для охоты хорош!
Ну а если острее он станет вдвойне,
Будет добрая память
О Юрмале мне!

Вот исчез он, мой ножик,
В руке старика.
Вот сверкнул он опять
Вроде рыбки-малька.
Точит молча старик.
Искры так и метет!
И в руке у него
Нож как будто растет.

Вот закончил.
Попробовал пальцем.
Подул.
Молча мне протянул.
Опустился на стул.

Скоро мне по Алтаю
Опять кочевать.
Стану дичь у костра я
Ножом свежевать.
Я в алтайской тайге
Вспомню берег морской
И станочек точильный
С педалью-доской,
Старика рыбака отставного — того.
И морщины, как сети,
На лбу у него.

ВЕЧНОСТЬ

Колышется море ночное,
Бессонно и глухо ворчит,
Упругой и серой волною
В прибрежные камни стучит.

То Вечность волнуется рядом.
Как странно подумать: она
Доступна касаньям и взглядам
И все-таки нам не дана!

КЕМЕРИ

Я Кемери помню — поселок на взморье,
на станции девочку с банкой клубники,
с прозрачную каплею света во взоре.
И чаек глухие гортанные крики

послышались мне вдруг в названье селенья.
И я повторял его снова и снова,
а если поставить в конце ударенье,
совсем по-алтайски звучало бы слово.

Но общая радость есть в грусти о детстве.
Как отзвук родной чужедального слова,
у девочки в Кемери, если вглядеться,
глаза, словно капли дождя золотого.

* * *

Воцарилась холодная мгла,
Солнце света не шлет с высоты,
И в печали душа замерла.

Вот какие сегодня дела:
Этот берег покинула ты.

Золотистая рыба ушла
Вглубь, в пучину, в пласты темноты,
Не дождусь, чтобы снова всплыла.
Вот какие сегодня дела:
Этот берег покинула ты.

Дождь, молю тебя: слезы пролей
И с песка в этот горестный час
Смой следы наших ног поскорей,
Чтобы смог я не думать о ней,
Будто вовсе и не было нас!

* * *

О Западе я думал на Востоке,
на Западе я понял мой Восток.
Мне кажется, сместились жизни сроки,
понятий открывается исток.

Стихи, что я на Западе задумал,
лишь дома стали песнею моей.
И улигер, с его волшебным шумом,
порой на Западе звучал ясней.

И мы спешим, несем друг другу вести,
чужие прежде, сблизились теперь,
осознавая жизнь, свое в ней место,
в пространство мысли открываем дверь.

ПЕСНЬ ПРОЩАНИЯ С МОРЕМ

До свидания, Море! Пускай ты — Залив,
Все ж ты первое Море, что мною открыто!
Здесь я сделал недавно свой первый заплыв,
Я — джигит, сын джигита и правнук джигита.
Из глубин континента пришел я к тебе,
Ты меня укрепило, подобное чуду,
Я за это вдвойне благодарен судьбе
И твою доброту никогда не забуду!

На прощанье, как лодки, пушу по волнам
Хорошо послужившие верные кеды.
Пусть плывут на просторе к далеким огням,
Хоть в Стокгольм, где живут благодущные
шведы.

«А потонете если, — я вслед говорю, —
На каком-то из трудных морских переходов,
Мой привет передайте морскому царю
От лица сухопутнейшего из народов!»

О стихии морской, о дорогах морских
Не досталось от предков мне памяти в генах.
Не осталось совсем. Никакой. Ни в каких.
Даже в самых таинственных и сокровенных.
Но отныне во мне да пребудет она,
Словно соли твоей голубая крупица,
И пускай сохранится на все времена,
И в потомках моих навсегда закрепится.

Пусть мой правнук, склонившись к соленой волне,
Вспомнит памятью крови на миг обо мне!

ВРАТА ТАМЕРЛАНА

(на коре карагача)

ТАШКЕНТЦАМ

Неужто здесь свирепая стихия
Безумствовала, как могучий зверь?
Отстроен город, и следы лихие
Исчезли — хоть глазам своим не верь!

Восстал Ташкент, как богатырь из сказки,
Как Алпамыш — смертям наперекор.
Упрятала стихия норов тряский
От удивления в глубины недр и гор.

Друзей моих улыбки белозубы —
Любое дело по плечу таким.
Улыбкой отвечают мои губы.
— О, братья! — гулко сердце вторит им.

САМАРКАНД

Узор минаретов — змеинная кожа.
Халаты — на зависть сорочьей красе.
И так на восточные сказки похожи
Веселые краски пустых медресе.
Троллейбус по улочке едет старинной,
И старцы почтенные в каждом окне.
Вот так же, наверное, важно и чинно
Мог каждый старик восседать на коне.
Их лица спокойны и невозмутимы.
Чалмы белоснежной белей борода.
Как будто пожаров и черного дыма
Не ведала эта земля никогда.

И словно не знала нашествий и плена,
Ни свиста плетей и ни пения стрел...
Но знала, что снова восстанет из тлена, —
Таков у земли этой вечной удел.
... А вот на горячий асфальт Регистана
(Глазеют приезжие: «Ну, чудеса!»),
Толкая осла пред собой неустанно,
Въезжает арба — два больших колеса.
Устаз ею правит. Коричневые руки.
Под солнцем вспотевшая шея крепка.
Вбирает, как воздух, все краски и звуки
Открытая осени грудь старика.
Спешит на базар он, где толпы народа.
И думает он о делах и трудах.
О том, что устроена мудро Природа.
О том, что напрасен был старости страх.

ВЕЧНАЯ МЕЧЕТЬ

Встает мечеть Биби-ханым прекрасной,
Как символ красоты, через века.
И краски смыть пытается напрасно
Со стен мечети времени река.

Как память о любви и о гордыне
Ее велел воздвигнуть Тамерлан.
Тот вечный дар жене стоит поныне,
Чтоб знали, как умел любить султан.

Свирепой бурею промчались годы,
Сметая троны, царства, города.
Где прежние владенья? Где народы?
Где тот, кто их всю жизнь сгонял сюда?

Нет Тамерлана. Нет его владений.
В земле изъеден ржавчиной тесак.

Сгорев дотла, рассыпались поленья
На угольки — знать, тесен был очаг.

Но все еще стоит мечеть из глины,
Со Временем побившись об заклад.
Сияют бирюзой ее руины.
И видят люди шесть веков подряд,

Что на земле одна держава вечна.
Любовь ей имя. Нет у ней конца.
Что сквозь поток столетий быстротечный
Ее несут живых людей сердца.

ГУР-ЭМИР¹

Так вот в какой гранитной колыбели
Тимур свой буйный нрав смирил навек!
А рядом с дедом в каменной постели
Спит вечным сном великий Улугбек.

Был грозный дед разбойник и воитель,
Считал войну началом всех начал.
А внук его — ученый и строитель,
Вселенную по звездам изучал.

И вот теперь в прохладном полумраке
Хранят их сон гробницы купола.
Затейливы арабской вязи знаки:
Тому хвала. И этому хвала.

И как понять нам тайну погребенья?
Ведь в склепе этом вместе сведены

¹ Г у р - Э м и р — усыпальница древних правителей Самарканда Тимура (Тамерлана) и Улугбека.

ЦЕНА ТРУДУ

Слова «Восток — владенья торгаша»
Не стоят даже стертого гроша.

Взгляните: это все, за веком век,
Трудом упорным создал человек.

Земля признала здесь его труды:
Куда ни глянь — везде цветут сады.

И даже зною, сторожу пустынь,
Он приказал: «А ну-ка, брат, остынь!»

И там, где раньше правила беда,
Белеет хлопок и журчит вода.

Но славен древний край Узбекистан
Не только трудолюбием дехкан.

Работают не покладая рук
Питомцы муз, служители наук.

Потомки Авиценны, Навои
Вершат упорно здесь труды свои.

Вот, скажем, физик, Улугбека внук —
В Москве прошел свой первый курс наук.

Так кто же, против истины греша,
Сказал: «Восток — владенья торгаша»?

В стране моей цена труду одна:
Трудом людей красна моя страна!

В МОСКВЕ ВСЕЛЕНСКОЙ

(строки на ходу)

ЛИРИЧЕСКИЙ ПОЭТ

Владимиру Соколову

Его встречал я часто одного
В аллее сада, в сумерках белёсых,
Запомнил трость бессменную его,
Так странно вдруг похожую на посох.
Деревья, как внимающий народ,
Кругом толпились в стройном беспорядке.
Еще я помню крепко сжатый рот —
Отчетливые, грузчицкие складки.
Так проходил он, в серый плащ одет,
С лицом усталым, часто невеселым.
А говорят: лирический поэт,
Неуловимым занят, невесомым...

* * *

Нет, не устану я дивиться —
Чудак, конечно, человек:
Про все забыв, сквозь всю столицу,
Сквозь сумерки, сквозь первый снег
Рвануться вдруг молниеносно —
Куда? Конечно, вновь туда,
Где переделкинские сосны
И в лужах — стылая вода.
Зачем? Затем лишь только, чтобы
Свои печали бередить
И в обществе одной особы
Вдвоем под соснами бродить.
И чтобы музыка из мрака
Плыла, и екало в груди,
Да чтобы рыжая собака
Смешно трусила впереди,
Да по шоссе, мерцающая светом,
Машины встречные неслись.

Какой же смысл, скажите, в этом?
Не в этом ли — всей жизни смысл?

* * *

Девушки — одна другой милее,
Я смотрел, теряясь и немея.
Что случилось? Сам понять не мог:
Неужели я душой старею?
Неужели так я одинок?

ЛАСТОЧКИ

А весна была только в проекте —
Лишь особенный, мартовский свет.
Снег на шумном московском проспекте
Думал: таять ему или нет?
Мостовой — превращаться ли в речку?
В этот день на изломе зимы
Средь Москвы молодую узбечку
Неожиданно встретили мы.
Взгляд задумчивый нам подарила.
А лицом — хороша, как весна!
И фигура ее говорила:
К лету матерью станет она.
Были темными-темными брови —
Показалось, что ласточки две
Прилетели с дарьинских низовий
И весну возвестили Москве!

МОЛОДЫЕ НАРОДЫ

Р. Фишу

«Подлунный мир все хуже с каждым днем, —
Поверье мусульманского Востока, —
Поскольку мы чем долее живем,
Тем дальше от золотых времен пророка!»

Как хорошо, что наш отсчет иной,
Что, молодые, в мире вечно сущем
Мы сговорились опыт свой земной
Соизмерять не с прошлым, а с грядущим!

* * *

Мне услышать недавно, друзья, довелось:
Если в путь собирался ученый даос,
Сотни книг многомудрых даосских
Отправлялись за ним на повозках.

Я покуда еще не мудрец и не маг,
Но, жилища меняя, заметил с годами:
Меньше возим вещей, больше книг и бумаг,
Где заветные строчки — рядами...

АЛТАЙЦЫ

Мы ехали в метро
Вдвоем. На нас глядели.
Седых старушки две
Поближе к нам подсели,
Как будто невзначай,
Загадку влекомы, —
Послушать, как звучит
Язык наш незнакомый:
Нерусские слова,
Нездешние глаголы.
Корейцы, может быть?
А может быть, монголы?
Японцы, может быть?
А может быть, малайцы?
Наверное, никто
Не знал, что мы — алтайцы.
Нас мало, но и мы
Стране великой служим.
А кто не знает нас —
Узнает! Мы не тужим.

IV. ГИМНЫ
ЗЕМЛИ-ВОДЫ

1978—1981 гг.

БЛАГОСЛОВЕНЬЯ АЛТАЮ

ВОЗЛИЯНИЕ МОЛОКОМ ПРИ ПЕРВОМ ГРОМЕ

Кайракан¹, чёок², чёок, чёок, чёок,
Глаз игрENEвый прищунив,
Небо первый гром весенний
Обронило с черной тучи.

И прервался сон дракона,
Возлежавшего на круче.
И у края небосклона
Он на облако залез.

И поплыл на нем по небу,
Грома ядрами играя,
Молоку, охоте, хлебу
Честь воздавший наперед.

Если с женской половины
Рвется в юрту отзвук грома,
Говорят не без причины:
— Быть удою в этот год!

¹ К а й р а к а н — возглас благодарения небу.
² Ч ё о к — восклицание при ритуальном воз-
лиянии молока.

А как с мужней половины
Рвется в юрту отзвук грома,
Говорят не зря мужчины:
— Фарт охотнику идет!

Масти огненной барана
Принести должны мы в жертву.
От-эне,
 что из колчана,
Вынимает стрелы вновь.

У богини конь соловый,
Скачет по небу богиня.
И у тридцатиголовой
Рдеет солнечный кушак.

Кайся, грешник, кайся, кайся,
От-эне по небу скачет.
Хочешь, нет ли, но считайся
Ты с привычкою ее.

Почивать она доселе,
Как и в прежние столетья,
Любит, но не на постели,
А на голубой золе.

На кошме разложим белой
С молоком пред нею чаши,
И баран зажарен целый
Будет пусть для От-эне.

Улуу¹ — должны с ней вместе
Угостить мы аракою,
И в честь грома — доброй вести,
Вереск воскурить должны.

¹ У л у у — дракон.

Кайракан!

Все юрты снова
Обойдем по кругу солнца.
И благодаренья слово
Скажем, молоком кропя.

Да заказан путь недугу
Будет пусть в жилье алтайца.
И священные по кругу
Обойдем березы мы.

Ленты белые привяжем
Мы к березам белотелым,
«Кайракан» все разом скажем,
Поклонившись небесам.

Реки сбросили кольчуги,
И трава зазеленела.
Возольем в честь грома, други,
Молоко, чёок, чёок, чёок, чёок!

ПТИЦА ОГНЯ

Небесный царь Ульген¹,
Творец земли и вод,
Сказал:

— Благословен
Будь под луною мир.

Свет отделил от тьмы,
И утвердил черед
Пришествия зимы
И пробужденья рек.

Он в мех облек зверье
И в перья птиц облек

¹ Ульген — высшее божество в алтайской мифологии.

И слово к ним свое
При этом обратил:

— Да будет вам тепло
В любые холода,
Когда в тайге бело
И пламень солнца стыл.

Но голым человек
Был создан, и его
Ульген обрек весь век
От холода страдать.

Взмолился голый люд,
Стал заклинать он птиц:
— Вы всюду там и тут
Вершите свой полет.

Пред вами, как ладонь,
Лежит земной простор,
Добудьте нам огонь,
Чтобы согрелись мы.

Журавль пожалел
В горах продрогший люд,
К Ульгену полетел
И так сказал ему:

— Ты в мех зверье облек
И перья птицам дал,
Почто же так жесток
Ты с голыми людьми?

Изрек Ульген в ответ:
— Когда им дать огонь,
Затмит весь белый свет
Собой гордыня их...

И, сидя у огня,
Они, познав тепло,
Забудут про меня,
В гордыне возносясь.

Заоблачную высь
Покинь, посланник их,
На землю возвратись,
Мне почивать пора.

И впал в глубокий сон,
На трон присев, Ульген.
И с четырех сторон
Был свод небес открыт.

Журавль взглянул вокруг
И видит:

 две горы
Лбы сдвинули, и вдруг
Стрелой огонь взлетел.

Так был открыт секрет
Рождения огня.
И камень сотни лет
С тех пор кресалом был.

Поныне оттого
Чтут люди журавля,
И выстрелить в него —
Незамолимый грех.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ КЕДРУ

Где висит тропа витая
Над обрывом скальных стен,
Кедр таежный, страж Алтая,
Будь вовек благословен!

Статью славишься прямою,
И высок ты, и удал,
И случилось, что зимою
Нас от вьюги укрывал.

К твоему стволу пристроясь,
Лежа в шубах меховых,
О былом услышать повесть
Мы могли из уст твоих.

Тьму пронзая полусветом,
К нам до самого утра
Пламя ластилось при этом
Языкатого костра.

А когда в котле сварили
На костре мы толокно,
Толокном тебя кормили,
Сами ели заодно.

Это прадедов обычай
(Их обычай благи),
И с богатой мы добычей
Возвращались из тайги.

В дождь и пешим ты, и конным,
Как в горах о том рекут,
Под своим шатром зеленым
Всякий раз давал приют.

Прилетала птичья стая,
Забирала сердце в плен,
Кедр таежный, страж Алтая,
Будь вовек благословен!

Ты в серебряном доспехе
В день осенний, полный сил,

Золотые нам орехи
Словно в слитках подносил.

И вздымать тебе не ново,
При зардевшемся луче,
Белку — клочок огня живого
На подоблачном плече.

К небесам себя взметая,
Отвергая смерть и тлен,
Кедр могучий, страж Алтая,
Будь вовек благословен!

Глянет в сторону истока,
Выйдя на берег, марал,
А затем лишь из потока
Он напьется среди скал.

И охотники под кручей,
Когда пить сойдутся чай,
О тебе, о кедр могучий,
Вспомнят, словно невзначай.

Знаки звездные читая,
Удостоенный письмен,
Кедр могучий, страж Алтая,
Будь вовек благословен.

И среди тоски дорожной,
Где-то в дальней стороне,
Ты алтайцу, кедр таежный,
Снова явишься во сне.

Будто белка золотая
Снится месяца взамен.
Кедр могучий, страж Алтая,
Будь вовек благословен!

ОПЛАКИВАНИЕ УБИТОГО МЕДВЕДЯ

Охотники

(в один голос)

О, дядя лесной, незабвенный Аю,
Благословенный, почтенный Аю.

Первый охотник

Богата лохматая шуба твоя,
Сверкает, как золото, красы не тая.

Охотники

(в один голос)

Не жарко ли, дядя, тебе у костра?
А может, любезный, снять шубу пора?
(Начинают снимать шкуру.)

Первый охотник

Твоя голова, что котел, здорова,
Под этим котлом запалим мы дрова.

Охотники

(в один голос)

И в этом котле, незабвенный Аю,
Мы чая наварим во славу твою.
(Отрезают медвежью голову.)

Второй охотник

Открой-ка свою знаменитую пасть,
В которой так запросто было пропасть.

Первый охотник

Отменны в ней зубы, острые и крепки,
Как будто бы камушки горной реки.

Остальные охотники

Позволь нам на память их вырвать зараз,
Чтоб дух твой, Аю, не преследовал нас.
(Вырывают медвежьи зубы.)

Второй охотник

Ах, дядя, прости, мы забыли, ей-ей,
Пыль времени выбить из шубы твоей.

Третий охотник

(взяв палку)

По шубе лохматой я палкою бью,
Но словно не слышит, не дышит Аю.

(Бьет палкой по шкуре медведя, прислушивается.)

А может, как в зимней берлоге он спит?
А может, на дымной дороге убит?

Первый охотник

Не слышит, не дышит, ревя не ревет,
Мы дядю уважим, окажем почет!

Все в один голос

Ах, что же нам делать, ах, как же нам быть?
Когда бы мы дядю могли воскресить.
Да только смекнуть не сумеем и впредь,
Как снова нам шубу на дядю надеть.

Второй охотник

Нельзя его здесь оставлять одного,
Сожрет россомаха все кости его.

Первый охотник

А ворон, что черен, как будто гроза,
Выклеивать дядины станет глаза.

Все в один голос

Достойно помянем мы душу его,
Пристойно разделаем тушу его.

Первый охотник

Поджарим язык, погружая в костер,
Чтоб дядя о прошлом повел разговор.
(Поджаривают медвежий язык на углях костра.)

Третий охотник

(подражая медвежьему рыку)

Ходил я чужою дорогой в горах,
Рычал и бросал безоружного в страх.
Под каждую лапой валежник трещал.
Шатун косолапый, людей я страшал.
И сам виноват я, бродяга Аю,
Что пал у оврага, как будто в бою.
В лесу не щадил бурундучьих я нор,
Припасы тащил из них, будто бы вор.

Все в один голос

Зачем же, зачем же в таежном краю
Ты грабил соседа, разбойник Аю?!

Третий охотник

(подражая медвежьему рыку)

Я каюсь, я каюсь, не раз по стволу
К пчелиному я добирался дуплу.
И лапою в мед золотой залезал,
Пируя, сладчайшую лапу сосал.

Охотники

(в один голос)

Зачем же, зачем же, на лапу тяжел,
В лесу разорял ты старательных пчел?

Третий охотник

(подражая медвежьему рыку)

Когда б не погиб я, грешил бы и впредь,
Наследному норову верен медведь.

Бывало, хотелось мне кислого съесть,
За кислым не надо на дерево лезть.

Охотники

(в один голос)

Обидчиком слабых прослыл ты, Аю,
Пчелу разорял и грозил муравью.

Третий охотник

(подражая медвежьему рыку)

Ох, горе мне, горе, погиб я, пропал,
За то, что законы тайги преступал.

Но наперерез моей скрытой стези
Охотников выслал Алтай-ээзи¹.

Охотники

(в один голос)

Почто так речешь, разорви твою пасть,
Не долго на всех нас накликать напасть.
Разгневаться может дух предков твоих,
Удачи лишить нас в пределах лесных,
О собственной жизни ничуть не скорбя,
Вот так ты оплакивать должен себя.

Третий охотник

(подражая медвежьему рыку)

Однажды под выстрел, хвала небесам,
Поставил подмышку я лысую сам.

Однажды упал я, спасаясь от пчел,
И брюхо смертельно суком распорол.

Однажды, малины наевшись лесной,
Блаженно заснул я под медной сосной.

¹ А л т а й - э э з и — высший покровитель Алтая.

За это медянка средь белого дня
Смертельное жало вонзила в меня.

Однажды погреться залез на скалу,
Заснул и сорвался в бездонную мглу.

И грозный хозяин Алтай-ээзи
Сказал:

— На тот свет свои кости вези!

О х о т н и к и

(в один голос)

О, горе, погиб наш почтенный Аю,
Прикончить себя наказал он ружью.

И должен немедля, святому под стать,
Аю на том свете о том рассказать.

П е р в ы й о х о т н и к

(остальным)

Ах, как же он может, подумайте вы,
В дорогу отправиться без головы?

На место ее возвратить нам пора,
Туда, где она находилась вчера.

*(Приставляя медвежью голову к туловищу,
спрашивает других охотников.)*

Приставил я так ли, взгляните скорей?

О с т а л ь н ы е о х о т н и к и

Неверно, неверно, приставь поровней!

П е р в ы й о х о т н и к

Теперь как, скажите?

О с т а л ь н ы е о х о т н и к и

Примерься сперва!

Первый охотник

(примеряясь)

Теперь как?

Остальные охотники

(радостно)

На месте стоит голова!

Второй охотник

А с шубой что делать?

Третий охотник

Загоним ее!

Второй охотник

Сменяем на порох, на дробь, на ружье!

Первый охотник

Нет, шубу его продавать нам не след,
Иначе не сможем избегнуть мы бед.

В стенах городских, не в медвежьем углу
Расстелют ее на паркетном полу.

Духами дыша, а не ветром тайги,
Придется ей скрадывать чьи-то шаги.

И женщина будет на шубе лежать,
И станет мужчина ее обнимать.

Тогда возвратится дух гневный Аю,
На эту поляну к лесному ручью,

Начнет он над царством древесных корней
Всенощно пугать и людей, и коней.

Мы шубу его под колодой должны
Поглубже зарыть до восхода луны.

Остальные охотники

Зароем и скажем: — Почтенный Аю,
Благословенный, степенный Аю,
Зимой мимо нас впереди проходи,
А летом, гляди, позади проходи!

В наш сон не врывайся, взъяренно рыча,
Беги, коль срываем ружье мы с плеча.
И каждый в твоём именитом роду
Пусть лапой не раз побывает в меду!

Пройдешь ли вдали ты, пройдешь ли вблизи,
Мы снова восславим Алтай-ээзи!

(Охотники, уходя, кланяются и стреляют из ружей.)

ПЛАЧ МЕДВЕДИЦЫ ПО УБИТОМУ ДЕТЕНЬШУ

Матерь племени бурых медведей,
Потеряв медвежат своих малых,
С налитыми сосками брожу я
По таежным лощинам и падям.

Был один мой сынок косолапый
Возле самой берлоги застрелен,
А другой мой сынок несмышленный
От испуга разбился о камень.

А мой первенец прошлой весною
Был матерыми ловчими схвачен,
И посажен в мешок припасенный,
И живьем увезен на продажу.

Хоть взъяренно, ломая валежник,
Я летела вослед этим ловчим,
Но догнать не смогла их, проклятых:
Укатали в машине вонючей.

Я в печали и гневе корову
На опушке лесной растерзала,
И с моими слезами смешались
Кровь ее, молоко и погибель.

Матерь племени бурых медведей
Укоряла Алтай-ээзи я:
«Или скрылся хозяин в пещере
Той горы, что подобна железу?

Видно, двери закрывший в пещеру,
Ты не видишь, как нас убивают,
Иль, быть может, созданьям двуногим
Отдал ты на погибель нас ныне?

И куда мы ни ткнемся ноздрями,
Всюду пахнет в тайге человеком.
И двуногих, что с ружьями ходят,
Стало больше, чем бурых медведей».

Я молилась созвездьям Медведиц,
Заклинала их, на небо глядя,
Чтобы нам с высоты путеводной
Указали дорогу к спасенью.

Покровительства неба искала
Я для племени бурых медведей,
Чье в потомственных дебрях таежных
Может семя исчезнуть навеки.

Еще помнят нестарые сосны,
Как в соседстве маралов и лосей,
Жили мы, наслаждаясь покоем,
Изобилием ягод и меда.

Было мало в ту пору двуногих,
Что охоту вели на медведей,

И при этом они почитали
Непреложный обычай охоты:

Брали столько, сколь надо — не больше,
И не жгли они пороха

ради

Бесшабашной, жестокой забавы,
В медвежат не стреляли, как ныне.

Прародитель двух звездных Медведиц,
Лунный месяц, не видишь ли с неба,
Где Алтай-ээзи, что обязан
Защищать всех зверей подопечных?

Не одной мы с двуногими крови,
Не одной мы с двуногими речи,
В схватках равенства нет между нами:
Зверя бьют они на расстоянье.

И зубастые пилы вонзая
В вековые стволы без пощады,
Над берлогами валят деревья,
Жгут костры возле нор соболиных.

Стали голы, как пах у оленя,
Поднебесные горные кручи —
Колыбели потоков таежных,
И мелеют все гибельней реки.

Матьер племени бурых медведей,
К водопою хожу я все дальше.
И могу я с трудом прокормиться,
Меньше стало и ягод, и меда.

Об одном я мечтаю все лето,
Поскорей бы зима наступила,
Чтоб залечь на всю зиму в берлогу
И забыть о еде и напастях.

Где закон меж людьми и тайгою?
Меж людьми и зверьем поредевшим?
Овдовела я, осиротела,
Матерь племени бурых медведей.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ О ПОРОЧНОСТИ
АЛЧНОСТИ И ХВАСТОВСТВА

*Пилемен — Филимон —
Носит прозвище он —
«Не бери топора,
Оставь душу».*

Филимон — Бородища в охапку,
Из кержачьего племени родом¹,
Поселился у нас на Куюме
И не чтит он законов таежных.

Зверя бил, сколь хотел, по чащобам,
Продавал вязки шкурок собольих,
И пред тем как идти на охоту,
Ездил в город к бабенкам гулящим.

И однажды в тайге не ко сроку
Заодно с городскими дружками
Филимон — «пощади мою душу,
Не бери топора» — появился.

Целый месяц таскались впустую,
Изведя весь табак и патроны,
Сгрызли все сухари из припасов,
Но убить не смогли даже зайца.

И пред тем как домой возвращаться,
Сном решили они подкрепиться,
Филимон — Бородища в охапку
Лег, как будто бы умер на месте.

¹ Кержаки охотились по алтайским обычаям.

И явился во сне ему старец.
Грозно сдвинул косматые брови
И сказал, как судья, Филимону:
— Ты почто нарушаешь обычай?

Как посмел над тайгой насмеяться,
Бить в глаза кабана и марала,
Уносить с собой голову зверя
И, свежую, ломать его кости?

Как посмел пред купцами ты хвастать,
Что ни в чем не подвластен Алтаю?
Как посмел накануне охоты
Пить вино, предаваясь беспутству?

Вот возьму и багряную нитку,
На которой душа повисает,
Перережу,
 как жилу на горле
У подранка козла иль марала.

И в холодном поту от испуга
Филимон перед старцем взмолился:
— Душу брать мою повремени ты
И топор погоди уносить мой!

Наперед зарекаюсь я, старец,
Пред купцами тщеславно не клясться,
Брать в тайге, что даруется, в меру
И вести разговоры в ней тихо.

А еще зарекаюсь я, старец,
Не беспутствовать перед охотой
И, как принято,
 голову зверя
Оставлять на шесте среди леса.

И самым златоглавым Алтаем
Был помилован великодушно
Филимон — «не бери мою душу»,
Филимон — «топора не лишайте».

О ЯЗЫКЕ И ОБЫЧАЯХ ОХОТЫ

Когда в тайге охотники узнали,
Что их язык понятен стал зверью
И птицам,
 переимчивость которых
Спокон веков замечена была.

Они язык создать решили новый,
Чтобы его не понимали птицы,
И тайной для зверья он оставался
На протяжении многих поколений.

И «Черным Бегуном» именоваться
Стал соболь,

 на охоту за которым
В тайгу зимою лучше выходить:
Мех у него прекрасен в эту пору.

«Кремень-копыто» кличку получил
Олень, на отсвет солнечный похожий,
Есть и второе прозвище у зверя —
Его иные «Дятлом» называют.

Нельзя марала называть «Маралом»,
А следует, чтоб не спугнуть удачи,
Именоваться, как горные алтайцы,
Марала «Жеребцом» в тайге охотясь.

А лося окрестили «Длинноногим»,
Или «Коленом Белым», чтобы лоси
Не ведали, что речь идет о них,
Когда отстрела наступает время.

У волка кличка «Пес», его к тому же
Зовут нередко «Красноглазый малый»,
Один сказал мне: «Нынче на луну
Выл Красноглазый малый в чистом поле».

Лису зовут «Сановною сестрицей»,
Хорька — «Купцом», а белку — «Коготком».
И прозван заяц лопухий «Яркой»,
Хоть с племенем овечьим не в родстве.

Медведя величать привыкли «Дядей»,
Ему почет особый выражая.
И голову медвежью зарывают
В том месте, где его сразила пуля.

Лежит табу почти на каждом слове,
Чья суть хоть чуть имеет отношенье
К охоте, лову, к егерским доспехам,
К обычаям наследных зверобоев.

И для того чтоб зверя провести,
Ружье «ружьем» в тайге не называют,
А величают «Зятем» в разговоре
Иль «Тонким Чернецом» между собою.

Подарок, что подносится невесте,
Зовется «Коламчи», и оказалась
Таежной тезкой этого подарка
Та пуля, что готовят на медведя.

И на охоте горные алтайцы
Еще верны обычаям, что были
Завещаны им предками когда-то,
Язычниками давнишних времен.

Так голову убитого марала
На шест обязан насадить охотник,

Сказав при этом:

«Пусть моей превыше
Твоя отныне будет голова!»

Когда свежую зверя, то не рубят
Его костей. Их варят вместе с мясом,
А после в ряд кладут,
чтоб обернулись
Они зверями новыми в тайге.

В глаза зверей охотник не стреляет,
Звериных глаз не варит вместе с мясом.
А как ему закон повелевает,
Тайге их возвращает всякий раз.

Урочище лесное покидая,
Из толокна охотники-алтайцы
Налепят коз, оленей и маралов,
Чтоб поднести Алтаю-ээзи:

— Благодарим за щедрую добычу,
Не обессудь за нашу страсть к охоте,
Да приумножатся твои богатства
И слава возвеличится твоя!

НАСТАВЛЕНИЕ О ПРИМЕТАХ, ПРИНОСЯЩИХ ЫРЫС¹

«Если убьешь на охоте козла,
С белыми пятнышками на рогах,
Считай, что охота твоя была
Венчана знаком добрых примет,

Если при этом еще у козла
Увидишь на ухе дырочку ты,

¹ Ырыс — охотничье счастье, удача.

Знай, что удача твоя немала,
Редко такой выпадает ырыс.

Будет с тобой на охоте и впредь
Счастье надежнее гончего пса,
Встретится рысь ли, кабан, иль медведь,
Пуля на землю не упадет.

Тайной пусть станет для клана всего,
Какой из зверей тобой первым убит,
Иначе сглазишь себя самого,
Счастье охотничье сам отпугнешь.

Первый убитый марал потому,
Жертвенно сваренный в пресной воде,
Должен Туу-ээзи¹ самому
Быть по обычаю преподнесен.

О Когульдее-мергене рассказ,
Может быть, слышал когда-нибудь ты?
Знатный охотник,

он гнал как-то раз

Горной тропою трех маралух.

В небо умчались они во весь дух,
Стали навечно созвездием² там,
Знают охотники, что маралух
Старость не в силах сразить на земле.

В небо, состарясь, видать по всему,
Всходят они, чтобы там умереть.
Высший ырыс выпадает тому,
Кто хоть одной из них череп найдет.

¹ Туу-ээзи — божество охоты.

² По алтайским преданиям, три маралухи, убежавшие от охотника на небо, превратились в созвездие, известное в мире под именем Орион.

Пороха зорче его береги,
Воду черпать из реки им не след.
С бездною рядом и в дебрях тайги
Он от напасти тебя оградит».

Так говорил мне Туянин Санат,
Что проживает в долине Куюм.
Нынче ему уже за шестьдесят,
Годы свое, как известно, берут.

А молодым —
 разудальи тонжан —
Мог он марала сразить на бегу,
Руки ему заменяли аркан,
Быстрые лыжи — лихого коня.

Там, где державные кедры шумят,
Слышал я,
 горного барса ловчей,
На спину прыгал маралу Санат,
Всаживал в сердце охотничий нож.

Добрый сосед мой Туянин Санат,
Вдаль на сто верст от горы Адыган
Ведомо всем, он несметно богат:
Счетом шестнадцать детей у него.

О ДОБРЫХ И ДУРНЫХ СНАХ

Как увидишь во сне старика,
Что тебе преподносит быка
Иль корову привел ко двору,
Знай заранее: это к добру.

Ты с охоты в закатных лучах
Возвратишься с козлом на плечах.
А как шубу старик поднесет,
Еще больше тебе повезет.

В дебрях леса таежных кровей
Быть медведю добычей твоей,
А случится во сне потерять
Рукавицу —
 прощай благодать.

А случится, исчезнет во сне
Нож, который висел на ремне,
Или дождь пробежал по костру,
Не к добру этот сон, не к добру.

И худая примета, когда
Снится хлеб иль другая еда.
А коль пил ты во сне араку,
То впадешь непременно в тоску.

А как спящий пускался ты вплавь,
Обернется болезнию явь.
Но дано нам во все времена
От дурного избавиться сна.

Надо выехать засветло в путь
И немедля назад повернуть.
Сон к добру, если видел во сне
Ты вершины в рассветном огне.

Или сокол в родимом краю
На перчатку садился твою.
Я встречал толкователей снов
И одно теперь знаю с их слов,

Если голая женщина мне
С белой грудью предстанет во сне
И промолвит:
«Став мужем моим,
Будь любовью всю ночь одержим», —

Это значит Хозяйка Горы,
Чьи полночные ласки щедры,
Снизойдет в свой черед до меня
И удачи подарит коня.

ЗАКЛИНАНИЕ ДОЖДЯ
С ПОМОЩЬЮ
МАГИЧЕСКОГО КАМНЯ ЯДА¹

*Дождь с бездонной торбою
Летнею порой
Встал над шестигорбою
Абакан-горой.*

*Стая туч, растаивай,
По ветру бзги,
Вымок горностаевый
Воротник тайги.*

Камень заклатья —
Трехлетний Яда,
Третью неделю, как хлещет вода,
Серые тучи клубятся,
Словно в озерах
Пасутся стада.
И без единого можем скирда
Мы пред уборкой остаться.

Камень заклатья —
Трехлетний Яда,

¹ Камень Яда — языческий талисман, якобы способный останавливать дождь и вызывать его.

Пестрый, как будто
Яйцо из гнезда,
Где обитает кукушка,
Сделай, чтоб туч отступила орда
И не палила с них пушка.

Ветру вели,
Чтобы с шапку дыру
Он прорубил в их утробе.
Через дыру эту
Пусть поутру
Выглянет ясное солнце к добру,
Будто бы соболь в чащобе.

Камень заклятья —
Трехлетний Яда,
Дай-ка тебя я омою.
Холоден ты,
Словно был изо льда
Там, где людского
Не сыщешь следа,
Вылеплен белой змеєю.

Камень заклятья —
Трехлетний Яда,
В шкуру завернутый мной.
Пусть на ненастье
Найдется узда,
Чтоб над горами,
Чья скрылась гряда,
Звезды явились с луной.

ВЕСЕННЕЕ ПОКЛОНЕНИЕ
СВЯЩЕННОЙ ГОРЕ БАБУРГАН
ТОДОШКИМ ПЛЕМЕНЕМ,
ОТ ИМЕНИ КОТОРОГО
ГОВОРIT ПОЧТЕННЫЙ СТАРЕЦ
БАН-БУШАЛДАЙ ²¹

Благословенная наша гора
Ала-Бабурган ²,
Ала-Бабурган,
К нам преисполненная добра,
Ала-Бабурган,
Ала-Бабурган.

Нового года встречая приход,
Даль озвучавшие звоном стремян.
Мы тебе свой выражаем почет,
Ала-Бабурган,
Ала-Бабурган!

Издадека возвратившихся птиц
Слышатся трели, Ала-Бабурган,
В долах набухли соски кобылиц,
Дышится сладко, Ала-Бабурган.

Вольная матушка наша — Катунь
Буйно ликует,
Ала-Бабурган.
Небо на ней расплавляет латунь,
Снова шикует
Ала-Бабурган.

Лунные пуговики шуб дорогих
Белых гольцов расстегнулись в срок.
И распахнулись шесть золотых
Красных дверей твоих царственных.

Чёок!

¹ Бан-Бушалдай — тодошский старейшина.

² Ала-Бабурган — священная гора.

Здравствуй, Дьер-Су¹, защитившая нас,
Здравствуй, Катунь,

изгибая свой стан,

Ты заключаешь в объятья всяк час
Ала-Бабурган,
Ала-Бабурган.

Нет, не по чину, а по старшинству,
Не предводитель в роду, не шаман,
Я — Бан-Бушалдай —
Поклониться зову
Ала-Бабурган,
Ала-Бабурган!

Вечно гнездимся за пазухой гор
Мы, твои соколы, звездный Алтай.
Звезды под мышкой твоей до сих пор
Тоже от века живут здесь, считай.

Ты ниспошли нам свою благодать,
Пусть приумножится древний наш род,
Будем охотой, как встарь, промышлять,
И для полмира выкармливать скот.

Сброшены шапки и сняты ремни,
Молим,

покуда край неба багрян:

Ты от безликости нас охрани,
Ала-Бабурган,
Ала-Бабурган!

Правой рукою я — Бан-Бушалдай,
Солнца коснулся,

молитвой влеком.

Благословляю тебя, мой Алтай,
Горы окрест окропив молоком.

¹ Дьер-Су — божество отчей земли и вод.

Левую руку я — Бан-Бушалдай,
Помнить обычаи, давший зарок,
Вновь над тайгой простираю, Алтай,
Чтоб молоком окропить ее.

Чёок!

Честному люду родимой земли,
Белым стадам и рождению семян
Благословенье на счастье пошли,
Ала-Бабурган,
Ала-Бабурган.

КОЛЫБЕЛЬ УМАЙ-ЭНЕ¹

(по волнам ночей и дней)

1. Рождение ребенка

Рождение нового человека для горноалтайцев — событие значительное. Оно привлекает общее внимание. При первом крике новорожденного со всех сторон раздаются ликующие возгласы. Сосед соседу передает радостную весть, при этом друг другу, как повелось, задают шуточные вопросы:

— Кто родился — дай ответ:
Сын родился или нет?

Будет дома коз доить,
На медведя ли ходить?

Будет ли сидеть в седле
Или стражей при котле?

¹ У м а й-э н е — покровительница семейного очага.

Если родился мальчик, особенно радуется отцовская родня:

— Мальчик родился!
— Мальчик? Якши!
Праздником станет отцовской души.
— Мальчик родился — жизни хвала!
Будет кому жильё возводить.
Будет кому на излучке седла
Барса с охоты живьем привозить.
Мальчик родился, и потому
Быть продолжателем рода ему!
Будут на свадьбе гулять у него
Добрые люди селенья всего!

При появлении девочки радость умереннее, ибо девочка вырастет и, выйдя замуж, уйдет в другую семью, но и это тоже необходимо для продолжения жизни, а потому говорят:

— Мальчик родился?
— Нет, дочка!
— Якши!
Девочка радость для каждой души!
Будет веселье. Смуглы и лихи,
Сватов еще к ней зашлют женихи.

В кожаном, красном, как жар, бурдюке,
Белой не долго скучать араке.
— Мальчик родился? — Нет, дочка!
— Якши!
Девы в алтайских горах хороши.
Выскочит замуж! Не зря говорят:
— Дочку родивший — роднею богат!

2. Забота отца
о новорожденном сыне

Сын родился у меня,
И достал я острый нож.
Там, где ветви наклоня,
Встала ива над рекой, —

Из податливых ветвей
Колыбель я смастерю,
Чтобы плыть наследник в ней
Мог под отческим шатром.

У меня родился сын,
На охоту я пойду
И добуду близ вершин
Пару черных соболей.

На крутой поднявшись склон,
Я, прищутив левый глаз,
Израсходую патрон
И кошулю застрелю.

Не собьет с пути метель,
Положу, когда вернусь,
Я подстилку в колыбель
Из собольих черных шкур.

На березовом огне
Дорогого очага
Супа жирного жене
Из косули наварю.

Над сыновьей головой
В честь охотничью я сам
Лук повешу боевой
И со стрелами колчан.

А медвежий коготь я
Положу под колыбель,
Чтоб росло мое дитя
Непугливым и лихим.

Голень заячью к ногам
Положу я в колыбель,
Чтоб по травам и снегам
Легок был сыновний бег.

Под подушку положу
Лебединое перо
И дорогу закажу
Сну дурному в колыбель,

В колыбель, где сын мой спит,
Продолжатель рода он,
Потому и знаменит
Среди родичей в горах.

3. Положение в колыбель

*Положим, положим дитя в колыбель,
Новая всходит луна.*

Новорожденных досель
В первый раз, как повелось,
Опускают в колыбель
Лишь при молодой луне.

Можжевельник подожжем
И окурим колыбель,
Чтоб влетела птицей в дом
Белая Умай-эне.

Из семи Молочных рек
Грудь наполнила она,

Чьи щедры не первый век
Темно-красные соски.

Если голубой Ульгень¹
Довелось оставить ей,
Солнечная, как олень,
В небе радуга взойдет.

А как взять ей довелось
С белого Ульгения высь,
Ляжет прямо, а не вкось,
К дому лунная тропа.

Ото всех жилищ людских
С колыбелями внутри
Отгоняет духов злых
Белая Умай-эне.

По волнам ночей и дней
Проплывает колыбель.
Лук со стрелами над ней —
Это знак Умай-эне.

В бодрствованье и во сне
Всех, кто в колыбели спит,
Зоркая Умай-эне
Охранит от сглаза пусть.

И растет число пусть их
Младших братьев и сестер
У подножья гор седых
И на гребнях этих гор.

¹ Ульгень — река.

Ведь не раз Умай-эне
Предостойнейших мужей
Услаждала при луне
На ристалище любви.

Страсть познавшая жена
И заботливая мать.
Непорочнее она
Сорока невинных дев.

4. Колыбельная песня
бабушки
над люлькой внука

Баю-баюшки-баю,
Слушай песенку мою:

Превратишься в удалца
Ты, мой внук, на разум скорый,
И окажешься опорой
Постаревшего отца.

Сделав радостью своей
Ты о матери заботу,
Будешь ездить на охоту
В рысьей шапке до бровей.

Баю-баюшки-баю,
Я наказ тебе даю:
Ты с открытою душой
Жалуй встречного приветом.

Обращаться за советом
Станет брат к тебе меньшей.

И на радость всей родне,
Как мужчина будь в почете:
Днем ты — жарко льни к работе,
Ночью — к собственной жене.

5. Колыбельная песня
бабушки
над люлькой внучки

Баю-баюшки-баю,
Слушай песенку мою:

Время мчится под луной,
Станет девочка женой,

Дом любовью осветя,
Народит она дитя.

Будет, в свой черед, как мать,
Колыбель сама качать.

Баю-баюшки-баю,
Слушай песенку мою.

Месяц сделался луной,
Станет девочка женой.

Пусть она, в том горя нет,
Просыпается чуть свет

И, воздав огню почет,
На тагане хлеб печет.

Пусть она, являя прыть,
Будет белых коз доить,

Белых коз и черных коз,
И не знает горьких слез.

Баю-баюшки-баю,
Ничего не утаю:

Месяц сделался луной,
Станет девочка женой,

И резва покуда стать
Не на людях обнимать
Будет мужа в час ночной.
Станет девочка женой,

И в любое время
Кованое стремя
Будет мужу на успех
Подавать она при всех.

6. Плач сороки

Чийк, чийк, чийканак!
Щука серая глазастая,
с длинною зубастой пастью,
не найду дитя никак!
Не могу дитя найти.
Может, плот из камыша
сделать, чтоб настичь в пути
озорного малыша?

Чийк, чийк, чийканак!
По совету молодых
гнездышко я кое-как
здесь на веточках кривых
деревца

свила шутя.

Щука с длинной острой пастью,
видела ль мое дитя?
Щука серая глазастая!
Может, плот из тростника
сделать, чтобы в водах вешних
мою детку разыскать?

Лью я слезы безутешно.
Чийк, чийк, чийканак!
Слову старших вопреки
все я сделала не так,
выбрав место у реки.
Если б я гнездо свила,
следуя совету старших,
я бы слезы не лила.
Как тоскливо мне и страшно!
Лишь на крепкой и высокой
ветке надо гнезда вить.
Чтобы счастье сохранить,
следуй мудрости глубокой,
если сам себе не враг,
чийк, чийк, чийканак!

*А так напевает мать своему ребенку после
«сорочьего плача»:*

— А тебя, мое дитя,
половодьем не подхватит.
Ветер, вихрями крутя,
не сорвет тебя с кровати.
А когда ты подрастешь,
если будешь на сороку
глупым разумом похож,
то ни в чем не будет проку.
Старших слушайся всегда,
спрашивай у них совета,
и тогда тебя беда
не возьмет на белом свете.
Спи, сыночек, баю-бай,
поскорее вырастай,
мама песенку споет,
а сорока унесет.

7. Слово огню после удачной охоты

Смело взвейся в этот час
ввысь, огонь, алас, алас!
Жарким пламенем восстань.
Видишь, уваженья дань
мы тебе приносим вновь.
Пусть дымится мяса кровь,
брызнем чаем, молоком.
Окурим тебя дымком —
вереск с горных диких круч
ароматен и пахуч.
Угощайся, От-эне,
будешь ты сыта вполне.
Взвейтесь, сорок языков,
тридцать огненных голов!
Взвейся, наша Дева-Мать,
дай глазам тебя узнать.
Ты в шелку из алых струй —
оп-куруй, оп-куруй!

Мы ходили по горам,
счет теряя трудным дням.
Мы искали птиц, зверей.
Стал нечетким след ступней
ослабевших наших ног.
Каждый станом изнемог.
Вся одежда отсырела,
и обутки в самом деле
мокрыми от снега стали.
Мы замерзли и устали.
О согрей нас, От-эне,
на своем примчись коне.
С нами ты всегда добра,
быстрой молнии сестра.
Взвейся, шелк багряных струй,
оп-куруй, оп-куруй!

Впрочем, честно говоря,
были мы в тайге не зря.
И удачей через край
одарил нас Кудан-Бай¹.
Зверь когтистый — сам медведь —
приходил на нас смотреть.
И рогатый зверь — марал —
пулей скошенный упал.
Зверь пугливый — кабарга —
в нем добыча дорога:
ведь достоин слов хвалебных
мускуса комок целебный.
И не счесть других зверьков —
белок, зайцев, колонков.
В общем, мы не дали маху.
Мы поймали росомаху —
то разбойница была,
к нам припасы съестъ пришла.
От-эне, испей сначала
кровь горячую марала
и косули печень съешь —
лакомый кусочек свеж.
Видим светлый лик в огне —
ты ждала нас, От-эне!
Мы пришли к тебе с дарами,
так возрадуйся же с нами,
в золотом багрянце струй,
оп-куруй, оп-куруй!

Не дадим тебе узнать
голода, о Дева-Мать!
Не дадим тебе остыть,
не дадим дождям залить.
Ты готовь нам вкусно пищу,
жарко согревай жилище.

¹ Кудан-Бай — покровитель охоты.

Чаю мы наварим здесь,
мяса вдоволь будем есть.
Будешь с нами, От-эне,
слушать быль о старине.
И очаг твой пусть вовек
не разрушит человек.
Взвейся шелком алых струй,
оп-куруй, оп-куруй!

8. Первая стрижка волос

До трех лет волосы ребенку не стригут. Первая стрижка носит характер обряда. Материнская родня очень почитаема, поэтому первый раз стрижет племянника дядя—брат матери (таай). Таай, приступив к первому острижению, говорит:

— Густые, как травы на горном лугу,
Племяннику волосы я остригу,
Доверься тааю, племянник.

Не станет о стрелах тужить тетива,
Да будет лихою твоя голова,
Доверься тааю, племянник.

Ты сам подстрижешь еще гриву коню,
И сам еще вздыбишь ты гриву огню,
Доверься тааю, племянник!

Племяннику волосы я остригу,
В мешочке из замши их прядь сберегу,
Доверься тааю, племянник.

Не надолго запахом детства пропах
Ты будущий воин, а не вертопрах,
Достоин таая племянник.

Засунешь перчатку в медвежью ты пасть,
Дробинкой в глаз белки сумеешь попасть,
Достоин таая племянник.

Тебе подарю я коня под седлом,
Коснешься ты звезд на скаку удалом.
Достоин таая племянник!

9. Наставление мальчику
при выпадении молочных зубов

— Все молочные твои
Зубы выпали, сынок.
В хлебный мякиш с ночи я
Закатала каждый зуб.

К волкодаву подойдя,
Эти шарики скорми,
И при этом ты ему
Так, сыночек, говори:

«Пасть открывший волкодав,
Я затем к тебе пришел,
Чтоб молочные свои
Зубы все тебе отдать.

Дай взамен мне, волкодав,
За молочные мои,
Песью гордостью твоей
Зубы ставшие не зря.

Могут мясо размолоть
Зубы слабые мои,
Зубы крепкие твои
Кость легко перегрызут.

А как ты уступишь мне
Зубы крепкие свои,
Стану мясом, что ни день,
Досыта тебя кормить».

10. Наставление дяди племяннику
при вручении даров

*...И вот дядя зовет племянника, чтобы вручить ему
пряди волос его в замшевом мешочке, а также поднести
подарки. Племянник, поклонившись, почтительно го-
ворит:*

— С вами, как равный, вступать в разговор
Я не посмею, почтенный таай.
Бросить на вас непочтительный взор
Я не посмею, бесценный таай.

Мальчик трехлетний я был наголо
Вами острижен, почтенный таай.
Мне даже сиротство грозить не могло:
На помощь всегда бы пришли вы, таай.

Теперь, возмужавший, пред вами стою,
Чтоб получить наставленья, таай.
В лесу на охоте и в честном бою
На вас походить я желаю, таай.

Дядя, пригубив поднесенное племянником вино, изрекает:

— Коль соколом стал соколенок в роду,
Должен он волей своей дорожить.
Взлетать не с перчатки у всех на виду,
А с дикой скалы, что касается туч.

На скачках, как всадник, коня торопи,
А слово — не конь, если ринулся в спор.
Душою в горах будь подобен степи,
Душою в степи будь вершине под стать.

Тебе возвращаю волос твоих прядь
И подношу для охоты ружье.

Патронов зазря на охоте не трать
И ради забавы в зверье не стреляй.

Какой бы эргек¹ ни имел человек,
Не дай обвести вокруг пальца себя,
В напарники брать стерегись неумек
И глотку лжецу ты при людях заткни.

Пойдешь на охоту — гляди, чтобы трус
Не увязался вослед за тобой.
Запомни, что лесть, хоть медова на вкус,
Опаснее яда бывает стократ.

Не дай на безгрешного вешать собак,
А грешника делать святым не давай.
Да будет счастливым на небе твой знак,
Да будет прославленным имя твое!

На это племянник отвечает:

— Ляжет ли близко тропа иль далеко,
Благодарю вас, таай.
«Дядино слово — племянника око», —
Сам говорю я, таай!

Много стреляя — не станешь мергеном²,
Много болтая — стрелком.
И неподвластно любым переменам
Чувство, с которым знаком.

Повода быть не должно у таая
Бросить однажды с тоской:
«Лучше бы волчья мне встретилась стая,
Нежли племянник такой!»

¹ Э р г е к — большой палец.

² М е р г е н — князь.

В жизни на ветер не брошу зарокá,
Память, страницы листай!
Дядино слово — племянника око,
Благодарю вас, таай!

11. Песенка о пяти пальцах,
которую поет бабушка
своим маленьким внукам

*Каждый палец —
Не скиталец,
И ему давным-давно
Было прозвище дано.*

Большой палец — Башпарак,
Предводитель и вожак.

А Бажы-Кырлу приятель,
Остроглавый воспитатель,
Напевая и шутя,
Нянчит малое дитя.

Третий брат — Орто-Мерген,
Расколовший пять полен,
И стрелок и весельчак,
Разжигает сам очаг.

На огне Куба-чечен,
Посреди родимых стен,
Всем известный острослов,
Жарит почки, варит плов.

Кичу-бий же — младший князь,
Не ударит лицом в грязь.
И легко, в один присест,
Почки жареные съест.

12. Причитание козодоя

Шыр-р-р-ау-у!
Шыр-р-р-аа!
Птица ночная
Вновь до утра

Над пастбищем стану
Я — козодой —
Низко летать
От печали седой.

У перепелки
Птенцов не счесть,
У дергача
Их немало есть.

А у меня
Было четверо их.
Да змея сожрала
Всех четверых.

Шыр-р-р-ау-у, тыбырык —
Это я свищу,
Над землей стелюсь,
Все птенцов ищу.

А чабан плетет,
Не тая угроз,
Будто видел сам,
Что доил я коз.

Шыр-р-р-ау-у,
Тыбырык, —
Это мой в ночи
Раздается крик.

13. Колыбельная песня змеи¹

Гусыне — гусенок отрада,
Ягненка ласкает овечка,
А я тебе, миленький, рада,
Мой свертышек,
Чудо-колечко.

В сторонке от волчьего воя
И топи болота постылой,
На пне, как кольцо голубое,
Лежишь ты,
Мой свертышек милый.

Как мил человеку детеныш,
Ты мил мне,
Мой ловкий сыночек,
На ленту похожий змееныш,
Что может свернуться в комочек.

14. Уважительное слово к Эне-Киж

В прежние времена, когда в алтайском улусе начиналась эпидемия оспы, люди, не имея возможности вести с ней борьбу, сдавались ей на милость и уважительно величали ее «Эне-Киж» — «Матерь-человек». При других болезнях звали шамана и устраивали камлание. При оспе этого не делали. Оспу вежливо увещевали.

Пред тобою не нахмурим
Мы бровей, Эне-Киж,
Дымом вереска окурим,
Будем молоком кропить.

¹ Где туман на зубья скал
Лег, нагорие окутав,
Эту песню записал
Я в селенье телеутов.

Шубу ты из горностая
Надевай, Эне-Кижн,
И лети туда, где стая
Туч клубится в небесах.

Мы тебе соболью шапку
Поднесем, Эне-Кижн,
Только, звезд набрав охапку,
Ты кружи вблизи луны.

Подмигнув нам глазом правым,
Удружи нам, послужи
И, отзывчивая нравом,
Нас покинь, Эне-Кижн.

Ты на славу погостила
И сполна одарена,
Ты давно как загрустила
И вольна покинуть нас.

Прибыла ты ненароком
От семнадцати царей,
И проводим не с упреком
Мы тебя, Эне-Кижн.

Ждет с тобою встречи скорой
Мать семнадцати морей,
Утвердилось за которой
Имя Матерь-Тойбодым¹.

¹ М а т е р ь - Т о й б о д ы м — Мировой океан.

Не она ль, подвластна срокам,
Из семнадцати пучин
К нам прислала за оброком
Вновь тебя, Эне-Киж.

Ты оброк собрать сумела,
Не тужи, что в путь пора,
И, окончившая дело,
Улетай, Эне-Киж.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВЕЧНАЯ РОДИНА

ПЕСНИ МОЛОДОГО МАЙМАНА

Песнь зовущих огней. Перевод Я. Козловского . . .	4
Песнь узнавания. Перевод А. Медведева	5
Песни горных равнин. Перевод Я. Козловского . . .	6
Песнь молодого маймана. Перевод Я. Козловского . . .	9
Песнь о бегущих девушках. Перевод Я. Козловского . . .	13
Песнь о белом снеге. Перевод Я. Смелякова . . .	14
Песнь синему небу. Перевод Я. Козловского . . .	15
Песнь дней одиноких. Перевод Я. Козловского . . .	19
Песнь полета. Перевод Я. Козловского	20
Песнь возвращения. Перевод Л. Олзоевой	21
Зимний напев комуса. Перевод П. Кошеля	22
Песнь о веселом всаднике. Перевод А. Медведева . . .	23
Песнь о торе. Перевод П. Кошеля	25
Песнь землям и водам родины. Перевод Л. Олзоевой	26
Песнь о кедре-человеке. Перевод П. Кошеля	27
Песнь о ковчеге. Перевод П. Кошеля	28
Песни золотой кукушки. Перевод Ал. Плитченко . . .	29
Песнь — ответ Хан-Алтая. Перевод П. Кошеля	34

II. ЯЗЫЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

ЯЗЫЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

«Сижу перед отъездом...» Перевод Я. Козловского . . .	38
«Осень...» Перевод Я. Козловского	38
«Вспоминаю не без грусти я...» Перевод Я. Козловского	39
«Полузабытый месяц в вышине...» Перевод Я. Козловского	39

«Там небо взорвано...»	Перевод Я. Козловского	40
«Слышу знакомую речь...»	Перевод Я. Козловского	40
«О, когда же...»	Перевод Я. Козловского	41
«Однорукий табунщик...»	Перевод Я. Козловского	41
«Нет лучше колыбели для зерна...»	Перевод Я. Козловского	42
«На опаловую дымку...»	Перевод Я. Козловского	42
«На зиму скот забивают...»	Перевод Я. Козловского	43
«Минет тысяча лет...»	Перевод Я. Козловского	43
«Забыв про седые метели...»	Перевод Я. Козловского	44
«Стремена звенят, но не вижу коня...»	Перевод Я. Козловского	44
«Белым гусем...»	Перевод Я. Козловского	44
«Странной птицей...»	Перевод Я. Козловского	45
«Я приехал при новой луне...»	Перевод Я. Козловского	45
«Очков округлые оконца...»	Перевод Я. Козловского	46
«Шевелишь губами...»	Перевод Я. Козловского	46
«Говорят в тайге мужчины...»	Перевод Я. Козловского	47
«Серая осень...»	Перевод Я. Козловского	47
«Однажды совестливый снег...»	Перевод Я. Козловского	48
«Во всем загадка бытия...»	Перевод Я. Козловского	48
«Это случилось в месяц Кандык...»	Перевод Я. Козловского	49
«Весной распутица была...»	Перевод Я. Козловского	50
«Хладеет небесная просинь...»	Перевод Я. Козловского	50
«Бранил жену...»	Перевод Я. Козловского	50
«Тяжел год Курицы, тяжел...»	Перевод Я. Козловского	51

«Приехав без билета на вокзал...» Перевод Я. Козловского	51
«Длинногривый...» Перевод Я. Козловского	52
«Над алтайской каменной грядой...» Перевод Я. Козловского	52
«Подобна замерзшему озеру...» Перевод Я. Козловского	52
«Сенокос был в разгаре...» Перевод Я. Козловского	53
«Нынче в год Быстроногого Зайца...» Перевод Я. Козловского	53
«Вниз летит по Иртышу...» Перевод Я. Козловского	53
«Стародавнюю песню...» Перевод Я. Козловского	54
«Небо. Ночь. Деревня. Деревя...» Перевод Я. Козловского	54
«Стал не хуже таежный зверь...» Перевод Я. Козловского	54
«Когда с серебряной серьгой...» Перевод Я. Козловского	54
«От наших сплетавшихся рук...» Перевод Я. Козловского	55
«Белый снег. Звонкий воздух...» Перевод Я. Козловского	55
«На опустевшем стойбище...» Перевод Я. Козловского	55
«Мы в подножье Алтая...» Перевод Я. Козловского	56
«Синее, синее, синее небо...» Перевод И. Фонякова	56
«Грянул гром...» Перевод И. Фонякова	57
«У слиянья двух великих рек...» Перевод П. Кошеля	57
«Родина...» Перевод П. Кошеля	57
«В верховьях Куюма...» Перевод П. Кошеля	58
«Не знаю, встретимся ли невзначай...» Перевод Л. Олзоевой	58
«Я, словно крылья, руки распластав...» Перевод Я. Козловского	59
Долина Терен. Перевод Я. Козловского	59

Поле. Перевод <i>Я. Козловского</i>	61
«Под луной я не худший самый...» Перевод <i>Я. Козловского</i>	61
Деревня. Перевод <i>Я. Козловского</i>	62
«Что препираться? Время...» Перевод <i>И. Фоякова</i>	62
«Как только в руки мои...» Перевод <i>Л. Олзоевой</i>	63
«Душе моей — уже который год...» Перевод <i>М. Акчурина</i>	63
«От старых этажерок, на которых...» Перевод <i>И. Фоякова</i>	64
«Серебристые птицы...» Перевод <i>И. Фоякова</i>	64
«О неужели из глубокой тьмы...» Перевод <i>Л. Олзоевой</i>	65
«О как изменчивы судьбы и лица...» Перевод <i>Л. Олзоевой</i>	65
Одиночество. Перевод <i>М. Акчурина</i>	65
«— Даже щеки устали, так долго свистел...» Перевод <i>Л. Олзоевой</i>	66
«— Откуда ты, Алтай, земля такая!..» Перевод <i>Л. Олзоевой</i>	66
«Но черного врага не пожалей...» Перевод <i>Л. Олзоевой</i>	66
«Безлюдны юрты, крытые корою...» Перевод <i>В. Широкова</i>	67
«Наступленья зимы ожидает Алтай!..» Перевод <i>И. Фоякова</i>	68
«На перепутье шести дорог...» Перевод <i>П. Кошеля</i>	68
«Каменный порог Эль-Бабургана...» Перевод <i>И. Фоякова</i>	69
«И тебя взнуздают в миг единый...» Перевод <i>И. Фоякова</i>	69
Потомки. Перевод <i>И. Фоякова</i>	70
«Как прекрасен и добр мой Алтай!..» Перевод <i>И. Фоякова</i>	71
«Три стремительные тени...» Перевод <i>М. Акчурина</i>	71

«Да буду я глазами для слепого...» Перевод <i>И. Фонякова</i>	72
«Слово в малом большое увидит...» Перевод <i>Л. Олзоевой</i>	72

ПОВЕСТВОВАНИЯ ДНЕЙ НЫНЕШНИХ, БЛИЗКИХ

Баллада о первых русских словах и старике Бу- шалдае. Перевод <i>Я. Смелякова</i>	73
Баллада о наречении. Перевод <i>Ю. Нейман</i>	76
Баллада об алтайской поговорке. Перевод <i>Я. Коз- ловского</i>	77
Баллада об отце. Перевод <i>Л. Олзоевой</i>	83
Баллада о нейтронной бомбе. Перевод <i>П. Кошеля</i>	84
Баллада о Ленин-Диасе. Перевод <i>Л. Олзоевой</i>	86

III. КОЧЕВАЯ МОЯ ОЙКУМЕНА

ИЗ ЦИКЛА «НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ»

Голос. Перевод <i>И. Фонякова</i>	90
Преодоление. Перевод <i>И. Фонякова</i>	91
Ножик. Перевод <i>И. Фонякова</i>	93
Вечность. Перевод <i>И. Фонякова</i>	94
Кемери. Перевод <i>Л. Олзоевой</i>	94
«Воцарилась холодная мгла...» Перевод <i>И. Фоня- кова</i>	94
«О Западе я думал на Востоке...» Перевод <i>Л. Ол- зоевой</i>	95
Песнь прощания с морем. Перевод <i>И. Фонякова</i>	96

ВРАТА ТАМЕРЛАНА

Ташкентцам. Перевод <i>М. Акчурина</i>	97
Самарканд. Перевод <i>М. Акчурина</i>	97
Вечная мечеть. Перевод <i>М. Акчурина</i>	98
Гур-Эмир. Перевод <i>М. Акчурина</i>	99

Сердце Самарканда. Перевод <i>М. Акчурина</i> . . .	100
Цена труду. Перевод <i>М. Акчурина</i>	101

В МОСКВЕ ВСЕЛЕНСКОЙ

Лирический поэт. Перевод <i>И. Фоякова</i>	102
«Нет, не устану я дивиться...» Перевод <i>И. Фоякова</i>	102
«Девушки — одна другой милее...» Перевод <i>И. Фоякова</i>	103
Ласточки. Перевод <i>И. Фоякова</i>	103
Молодые народы. Перевод <i>И. Фоякова</i>	103
«Мне услышать недавно, друзья, довелось...» Перевод <i>И. Фоякова</i>	104
Алтайцы. Перевод <i>И. Фоякова</i>	104

IV. ГИМНЫ ЗЕМЛИ-ВОДЫ

БЛАГОСЛОВЕНЬЯ АЛТАЮ

Возлияние молоком при первом громе. Перевод <i>Я. Козловского</i>	106	✓
Птица огня. Перевод <i>Я. Козловского</i>	108	
Благословение кедру. Перевод <i>Я. Козловского</i>	110	
Оплакивание убитого медведя. Перевод <i>Я. Козловского</i>	113	
Плач медведицы по убитому детенышу. Перевод <i>Я. Козловского</i>	119	
Предостережение о порочности алчности и хвастовства. Перевод <i>Я. Козловского</i>	122	
О языке и обычаях охоты. Перевод <i>Я. Козловского</i>	124	✓
Наставление о приметах, приносящих ырыс. Перевод <i>Я. Козловского</i>	126	✓
О добрых и дурных снах. Перевод <i>Я. Козловского</i>	128	
Заклинание дождя с помощью магического камня Яда. Перевод <i>Я. Козловского</i>	130	✓

Весеннее поклонение священной горе Бабурган тодошским племенем, от имени которого говорит почтенный старец Бан-Бушалдай. Перевод Я. Козловского 132

Колыбель Умай-эне

- ✓ 1. Рождение ребенка. Перевод Я. Козловского 134
2. Забота отца о новорожденном сыне. Перевод Я. Козловского 136
- ✓ 3. Положение в колыбель. Перевод Я. Козловского 137
4. Колыбельная песня бабушки над люлькой внука. Перевод Я. Козловского 139
5. Колыбельная песня бабушки над люлькой внучки. Перевод Я. Козловского 140
6. Плач сороки. Перевод Л. Олзоевой 141
- ✓ 7. Слово огню после удачной охоты. Перевод Л. Олзоевой 143
- ✓ 8. Первая стрижка волос. Перевод Я. Козловского 145
- ✓ 9. Наставление мальчику при выпадении молочных зубов. Перевод Я. Козловского 146
- ✓ 10. Наставление дяди племяннику при вручении даров. Перевод Я. Козловского 147
11. Песенка о пяти пальцах, которую поет бабушка своим маленьким внукам. Перевод Я. Козловского 149
12. Причитание козодоя. Перевод Я. Козловского 150
13. Колыбельная песня змеи. Перевод Я. Козловского 151
- ✓ 14. Уважительное слово к Эне-Кижн. Перевод Я. Козловского 151

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова. 5—5 000 000. 1977 г. ЛГ-087-01-589.
Цена 0 р. 58 к. за 1000 шт.

65 к.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ